
Т.А. АГАПКИНА

СЕРДЦЕ
В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Сердце как концепт и фольклорный образ не раз попадало в орбиту внимания исследователей. В.П. Владимирцев писал о типологии мотивов сердца в фольклоре и этнографии (1984). Сердцу и душе посвящена статья С.Е. Никитиной (1999); на материале лирики о концепте «сердце» размышляли представители курской лингвофольклористики (Климас 1999), на материале древнерусских летописей — О.Н. Кондратьева в «Антологии концептов» (Кондратьева 2007) и т. д.

Масштаб статьи не позволяет описать сердце как общепольклорный концепт, поэтому мы ограничимся основными жанрами, в которых он представлен (заговорами, причитаниями, народной лирикой, былинами). При этом мы разделяем мнение тех исследователей, которые считают, что варьирование одного и того же концепта/образа в значительной степени обусловлено приоритетами соответствующих жанров (С.Е. Никитина называет подобное явление жанровой проекцией концепта, Е. Бартминьский — профилем). При рассмотрении каждого жанра мы будем обращать внимание прежде всего на мотивы, словосочетания и другие контексты, в которых фигурирует сердце, а также на те ассоциативные ряды, в которые оно оказывается включено.

Наиболее широко и разнопланово сердце представлено в восточнославянских **заговорах**, причем практически во всех их функциональных поджанрах, за исключением, может быть, только охотничьих заговоров. Как заметил А.Л. Топорков, сердце фигурирует в заговорах и как объект различных магических манипуляций, и как инструмент, с помощью которого осуществляется воздействие на человека, и как субъект, самостоятельно управляющий его жизнью (Топорков 2005: 135).

Представление о сердце как центральном органе, обеспечивающем ток крови и обмен веществ в организме, известно в народной анатомии и

нашло своеобразное отражение в **лечебных заговорах**. В подтверждение этому можно указать на скотоводческие заговоры, которые основаны на мотиве последовательного выведения яда (или недуга) из тела животного. В заговорах (читавшихся над скотиной, которую укусила змея) описывается, как яд сначала проникает в организм животного через шерсть, шкуру, мясо, кости, печень и т. д. и в итоге попадает в сердце, а затем, уже из сердца, выводится назад тем же путем, которым проник внутрь: «Вішла лойка з лойком¹ з землі на росу, з роси на траву, тай вмастила си в серсть, із серсти в шкіру, з шкіри в мнѣсо, з мнѣса в кости, з кости в калючки, з калюшків у потрушки, а з потрушків у кишочки, а з кишочок у *серце*. А я тебе візиваю, вікликаю, *вмасти си з серцьи в кишочки*, а з кишочок в потрушки... а з серсти вон!» (Франко 1898: 45, укр.-карпат.²).

В лечебных заговорах сердце — это физический, телесный объект. Это уязвимая часть человеческого организма, внутренний орган, который является объектом воздействия извне, со стороны болезни или недуга, эту болезнь насылающего. Такое сердце способно испытывать физическую боль и иные неприятные ощущения, оно может быть поражено недугом, причем в прямом смысле слова. Как и обычно в заговорах, эта телесная уязвимость сердца обозначается не прямо (заговор решительно избегает того, чтобы прямо говорить о больном теле), а через обращение к болезни с призывом **не** причинять сердцу физического вреда:

— не разрушать его, т. е. не *крушить*, не *точить*, не *язвить*, не *бу-ять* (раскачивать) сердце: «вам тут не стояти... ретывого сердца не язвять» (Чубинский 1: 116, укр.); «железо мне — брат, не неси моей крови и не точи моего сердца» (РЗЗ, № 1615);

— не подвергать его «термическому» воздействию, т. е. не *вляить*, *сушить* и *жечь сердце* человека: «Аврааме, визьмы ты сых Бродовых дочок... щоб воны... сердца не сушылы» (Гринченко 1895/1: 256, укр.), или, напротив, не *зробить*: «Тут вам не быть, тут гнезда не вить... сердце не зробить» (РЗЗ, № 1759);

— не провоцировать болевые и иные неприятные ощущения, т. е. не *нудить*, не *томить*, не *тошнить*, не *мутить* и не *мучить* сердце: «Не буде ёго серденька нудыты» (Милорадович 1900/68: 385, укр.);

— не приближаться к сердцу, т. е. не *підпірати/підвертати/подо-дити/подлегат* під *сердце*, не *облегат* *вокруг сердца*: «Годзі ты хадзіла,

1 Укр. гуцул. *лойка* «ядовитая змея» (Гуцульські говірки: 114).

2 Большая часть источников, используемых в настоящей работе, относится к русской фольклорной традиции, поэтому, давая ссылку на эти источники, мы не будем указывать на их принадлежность; при ссылках на украинские, карпатоукраинские и белорусские источники мы будем использовать пометы *укр.*, *укр.-карпат.* и *бел.*

кошь ламала, пад сэръцэ падлягала, піці-есці не давала» (Замовы, № 713, бел.); «Тут тобі... коло серця не облягаты» (Милорадович 1900/68: 391, укр.);

— и, наконец, не проникать в сердце. Будучи внутренним органом человека, имеющим некий объем, сердце обладает признаком «вместимости», поэтому болезнь насильственно проникает внутрь сердца, ср. *вогнать/пустить недуг в сердце*: «Или кто рабе Ирине позавидовал, или кто погадал, или кто гупо слово сказал... И свой голос, и свою ярость упустил рабе Ирине... в ретивое сердце» (РЗЗ, № 2136).

В то же время как субъект психоэмоциональных состояний (оно *ноет, тужит, болит, щемит* и т. д.) сердце предстает в лечебных заговорах исключительно редко.

Другой аспект образа сердца в лечебных заговорах — это то, в какую парадигму попадает сердце, с какими органами/частями тела оно соположено и каким из них оно изофункционально. Сердце является здесь именно внутренним органом, ассоциируется со срединной частью человеческого организма и потому

— предстает как часть утробы, отсюда выражение «сердечная утроба»: «поезжай ты, медяной муж, ко мне р. б. N.... под левую пазуху, а изпод левой *в мою сердечную утробу*» (Ефименко 1878: 218, от призоров);

— отождествляется с животом (в том числе отсюда и выражение *живот-сердце*, характерное, в частности, для белорусских заговоров): «так у раба божага зуба цемяннога ня буваць, *жывата-сэрца* ня ўзрываць» (Замовы, № 649, бел.) — или сопологается с ним: «изжените (трясавиц) из сего раба Божия (имярек), *изнутри и живота, и сердца его*» (Ефименко 1878: 204). Очевидно, что эти контексты обусловлены не только народно-анатомическими представлениями, но также и диалектными значениями слова *сердце*, которое может обозначать другие внутренние органы, прежде всего желудок³. Примечательно, что в былинах сердце составляет некое единство с печенью, поэтому словосочетание *сердце с печенью* является одним из высокочастотных в былинах (Бобунова, Хроленко 2006).

— Наконец, сердце сопологается и даже отчасти отождествляется непосредственно с чревом, маткой, женским лоном. В севернорусском заговоре, читавшемся при тяжелых родах, говорится: «Лежит край пути р.Б. и.р., *серьцем больна*, (и тогда) *повелел Иисус Христос родить младенца* без застоения и без задержания» (Мансикка 1912: 128).

Что касается ассоциативных рядов, в которые попадает сердце, то в лечебных заговорах оно появляется в перечнях других внутренних ор-

3 «Словарь русских народных говоров» дает для слова *сердце*, в частности, такие значения: желудок, подгрудная впадина (ложечка); часть брюшной полости, находящаяся под желудком / под ложечкой; внутренние органы человека; «утроба» (СРНГ 37: 190).

ганов (печени, селезенки, легких, кишок), из которых требуется изгнать болезнь: «Відробляю... з пупа, з кишок, с серця, з печінок, з селезінок» (Зорі: 143, укр.).

Обобщая, можно сказать, что в лечебных заговорах функциональность сердца определяется его телесностью: способностью испытывать боль, разрушаться физически, а также быть вместилищем недуга или допускать его приближение к себе. Поэтому стратегия лечебного заговора строится на идее удаления болезни *из* сердца или *от* него, на том, чтобы *вынуть/отобрать/изгнать* или *выговорить недуг из/от сердца*: «я сей переполох з твого серця вышпнтую» (Милорадович 1900/68: 392, укр.); «железо, брат, выйми из тела болезнь и от сердца щепоту» (Домашний обиход: XXXVI). Будучи соположенным в тексте заговора с другими внутренними органами, телесное сердце потенциально разделяет с ними свою физическую уязвимость. В частности, поэтому мы наблюдаем общность глаголов, при помощи которых описывается воздействие болезни на сердце и на другие внутренние органы: в лечебных заговорах болезнь просят *не вялить, не сушить, не нудить, не крушить и не тошнить* не только сердце, но также печень, селезенку, живот и т. д. При этом, как мы уже отмечали ранее (Агапкина 2002), лечебные заговоры посредством постоянных эпитетов передают именно нормативную оценку здорового сердца (избегая называть и описывать его больным): сердце обычно либо просто «ретивое»⁴, т. е. ‘горячее’, ‘бьющееся’, ‘работающее’ (в русских, украинских и белорусских заговорах), либо укр. *щире*, бел. *шчырае* — ‘искреннее’, ‘открытое’, ‘прямое’, либо укр. *вяселе*.

Теперь взглянем на то, каким предстает сердце в **заговорах к властям**, читаемых перед посещением начальства, перед судом, а также перед сильными мира сего, от воли которых зависит судьба страждущего. Здесь на смену телесному и потенциально уязвимому сердцу лечебных заговоров приходит нечто совершенно иное. В заговорах к властям сердце — это прежде всего орган восприятия, один из органов чувств. Сердце *слышит, смотрит и видит*: «Дай Господи Иисусе Христе сему рабу Божию (имя рек) *слянуть на меня мирным сердцем*» (Олонецкие губ. вед. 1873/36: 431). Поэтому в заговорах к властям сердце соположено с органами чувств (глазами и ушами прежде всего), а также с органами и частями тела, обеспечивающими способность к речи, — ртом, языком, гортанью и губами, теми, от которых зависит аудио- и визуальное восприятие человека.

4 Ср. *ретивый* «устар., народно-поэт. пылкий, горячий (о сердце)» (МАС 3: 710); ср. др.-рус. *рѣтъ* «рвение, усердие» (Срезневский 3: 117) и т. д. Его синонимы — *горячее, пламенное*: «Тело каменное, жилы медные, сердце пламенное... сохрани меня, Господи, от полка огня, острога меча и копия» (Жороленко 1892: 281, от оружия) и нек. др.

В заговорах, читаемых перед судом или противником, высказывается пожелание, чтобы судьи и «супротивники» не могли плохо смотреть на человека или поднять на него глаза, говорить о нем плохие слова, а их сердца не могли наполняться или разгораться гневом: «И такожде судии на меня, раба божия (имрек), не могли бы худо зрети и смотрети, очей и бровей своих повыздынуть и лихима словама говорити и молвити и с *крутости сердца не могли разгоретися*» (Рыбников 1910/3: 217), «Так бы на меня злой лихой человек *свирепо очами не смотрел, ретивым сердцем не ретивилса...*» (Серебреников 1918: 26).

В ситуации, когда субъект заговора приходит к облеченному властью человеку как проситель или обвиняемый, его стратегия состоит в том, чтобы управлять поведением начальника, усмирить его сердце и другие органы чувств, ответственные за эмоциональное восприятие и говорение. С этой целью человек применяет несколько тактик. Одна из них — нейтрализовать, заглушить восприятие самого себя, лишить противника возможности адекватно видеть и слышать его. Для этого он может

— *запереть/замкнуть сердце* властей предрежащих: «И я, раб Божий, поклонюсь синему мужу: *синь муж, запри злое сердце* и ключ опусти в океан-море под синь злат латырь-камень» (Перегудов 1927: 196);

— *укротить/сократить* его сердце: «Ты, Пресвятая Богородица, благовослови... *всех судей и людей сократить, чтоб против меня... ясные очи потупились, сердце бы их сократилось...* Помяни, Господи, царя Давида и царя Константина и всю кротость их, как они лежат кротко и смирно, и *сократи их, Господи, сердце всегда...*» (Пасенко 1912: 590)⁵ (мотив укрощения сердца встречается также в былинах, см. ниже),

— призвать начальника *не ретивиться / не разгораться сердцем*, а если это случилось, то *залить сердце водой*: «ты предо мной еси лютый огонь, а я пред тобой есть сильная вода; *когда разгорится твое лютое сердце, то я твое лютое сердце залью своею сильною водою*» (Ефименко 1878: 155).

Встречается в таких заговорах и обратная тактика, направленная на то, чтобы открыть сердце облеченного властью человека, сделать его

5 Мотивы усмирения, насылания на противника кротости, характерные для заговоров, обращенных к властям, объединяют эти последние с **охотничьими заговорами**, см.: « Попрошу Егория храброго: *сократи лесного зверя, черного медведя по зубам и по лапам и по ретивому сердцу*, чтобы он не злился, чтобы он не гордился» (Шустиков 1892: 130, чтобы медведь пришел к охотнику, но не задрал его); «И попрошу Егория Храброго: *сократи лесного зверя, черного медведя по зубам и по лапам и по ретиву сердцу*, чтобы он не злился не гордился» (РКЖБН 2006/2/1: 215).

восприимчивым к нуждам и просьбам имярека, пробудить в нем любовь и приязнь к имяреку, доброте, радость и т. п.:

— властей предержащих призывают *принять близко к сердцу просьбу имярека*: «...слушал бы (имярек) меня, раба Божьего, речи, просьбы принимал бы, во уста брал, к сердцу клал...» (Попов 1903: 219);

— надеются, что сердце чужого человека будет болеть по имяреку, как по своим детям: «Как у отцов и матерей *ноет сердце ретивое по детям своим, такожда бы болело по мне рабе Божией его раба Божия*» (Сборник Каменева, № 38);

— просят, чтобы чужой *обрадовал имярека своим сердцем* или *вздыхал по нему радостным сердцем*: «Пойду я, раб Божий (и.р.), к рабу Божию (и.р.)... *обрадовал бы меня своим сердцем, как мать свое дитище...*» (Сборник Каменева, № 45); «Так бы и по мне, рабе Божией Наталье, все православные христиане *злым сердцем бы не вздыхали, а вздыхали бы радостным сердцем...* как вздыхает мати о своем дитяти» (Сборник Каменева, № 23).

Еще один способ управления реакцией оппонента состоит в том, чтобы изменить его органы чувств и его разум, поэтому заговоры на власть часто «наделяют» противника органами животных или покойника, заведомо более слабыми эмоционально и интеллектуально, и прежде всего *заячим* или *каменным сердцем*: «Помолюсе, поклонюсе святой Пресвятой Богородицы, Николаю Можайскому... дайте князю и боярину, воеводе и властителю и немилостивому судии, недругу моему (имя) басни тихие... *сердце зайцево* во веки веков» (Шайжин 1909: 290); «и дай же моим начальникам брюхо матеро, *сердце каменно*, уши тетеревины, очи светлы» (Ефименко 1878: 153).

Кроме того, заговоры придают сердцу оппонента несвойственную ему мягкость, покладистость, доброту. Отсюда в них появляется *материнское*⁶, *жалостливое*, *кроткое*, *мирное*, *доброе сердце*: «...и как жалует мати родившемуся своему дитя *материнским своим жалостным сердцем*, так бы... *приклонились ко мне жалостливыми сердцами* князи и бояра, власти и подначалие...» (Попов 1903: 218); «Камъяни йому думкы... *материне серце*, голубыни очи... *щоб мылость поклав и лыхого слова не сказав* р.Б. и.р.» (Гринченко 1896: 325, укр.). Тем самым заговоры к властям «отказываются» от постоянного фольклорного эпитета сердца *ретивое*, отдавая предпочтение ситуативным эпитетам и в

6 В русских рукописных заговорах встречается образ «материнского сердца», символизирующий защищенное пространство и обозначающий, вероятно, не столько само сердце, сколько материнскую утробу, которая сулит человеку желанное укрытие от жизненных невзгод (Торпорков 2005: 138–139).

соответствии со своей стратегией вкладывая в этот «орган чувств» нужные субъекту заговора эмоции (жалость, доброту, миролюбие и т. п.).

Напротив, имяреку как субъекту заговора предписывается иметь сердце зверя или сердце из булата: «И буди у меня, раба Божия, *сердце мое — лютого зверя льва*, гортань моя, челюсть — зверя волка порысучего...» (Ефименко 1878: 154, № 10); «Создай мне, Господи, главу железную, очи медные, язык серебряный, *сердце булату крепкого*, ноги волка рысучего...» (Рыбников 1867/4: 253)⁷. Противопоставление двух личностей, и в том числе двух сердец, и составляет ключевой мотив, доминанту заговоров к властям.

Говоря, что в заговорах к властям сердце по сути отождествляется с органами чувств, нельзя не упомянуть о том, что слово *сердце* обозначает здесь не только орган восприятия, орган чувств, но и собственно эмоцию — обычно гнев, неприязнь или ярость. По этой причине в заговорах к властям *сердце* попадает в ассоциативный ряд с другими эмоциями, такими как *кручина*, *злость* и т. п.: «...ты, трава молчан, никому не противляешис(ь) и молчиш(ь)... *ни сердца, ни кручины ни на ког(о) не держиш(ь)*, так бы на сем свете... други мои и недруги... ни сердца бы, ни кручины всякие на меня, раба Б(о)жия имярек, не было никому ни в чем...» (Топорков 2010: 90–91). Понятно, что эти заговорные контексты во многом провоцируются языком, ведь среди русских диалектных значений слова *сердце* присутствуют ‘гнев’, ‘обида’, ‘неприязнь’, ‘злоба’, ‘раздражение’ и др. под. (см.: СРНГ 37: 193).

- 7 В заговорах **от вражеского оружия** и заговорах, которые должны были уберечь бойца **в кулачном бою**, сердце, пожалуй единственный раз во всем заговорном универсуме, предстает таким, которое может быть поражено в бою: «Когда... будет неприятель на войне с пищали мечем и *копием сердце мое пробиваты* и кровь мою проливаты...» (Короленко 1892: 282, от оружия), — говорит заговор. Отсюда обереги, применявшиеся для защиты сердца в бою, а также заговоры, нацеленные на то, чтобы уберечь это уязвимое телесное сердце, но уже не от негативных эмоций, как в заговорах к властям, а от реального физического ущерба, для чего заговор стремится придать сердцу воина твердость камня и металла: «И укрепляю раба Божева имрака крепчи вот, и камня, и земли, и древа. Обрати, Господи, раба Божева имрыка, *сердце каменье*, тело жилезная...» (Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского (Киев), Отдел рукописей. Ф. 301. Ед. хр. 450. Л. 23, заговор от оружия XIX в.); «И как далече в чистом поле лежит сер горячий камень окаменел, сколь крепко и твердо, и *так же бы у меня р. б. Н. окаменело* белое тело и *ретивое сердце* и горячая кровь» (Ефименко 1878, № 110, на кулачный бой); «Да датися тело мое каменное, а *сердце мое булатное*» (Лосев 1906, на бой).

Отсюда широкое использование соответствующих фразеологизмов, выражающих общее значение 'испытывать неприязнь', 'сердиться' и т. п.: *сердцу не расти на имярек* («...и как от медяной земли трава не растет, и також не растит их ретивых сердца и черная печень и горячая кровь у князя, у боярина... на меня, р.Б. и.р.» — Попов 1903: 219); *не нести сердца на имярека* («...как не мочно р.Б. и.р. под каменем въздыхати, так не мочно на меня, р.Б. и.р., *серца нести* и зла подумати и помнити во веки аминь» — М.П. 1842: 274, молитва, включенная в челобитье на пономаря Ивана Харитоновна во времена Алексея Михайловича), а также *не иметь сердца на имярека* («Господи, благослови меня, отче, сию траву взять, *иже в себе не имеет сердца, тако бы не имели сердца на меня, р.Б. и.р.,* недруги мои и супостаты и вси человецы (кто ее носит при себе, ни который человек на него сердит не бывает)» — Олонецкие губ. вед. 1884/41: 395).

Таким образом, в заговорах к властям сердце человека, облеченного этой властью, способно слышать, видеть, думать, говорить, испытывать эмоции по поводу увиденного и услышанного и в конечном счете формировать суждения и оценки. Человек, вынужденный в силу обстоятельств предстать перед таким всевидящим сердцем, создает стратегию противодействия, основанную на том, чтобы лишить своего соперника этого органа восприятия (закрыть его сердце), а также заглушить те эмоции, которые в нем возникают. Наряду с сердцем человек лишает способности и другие органы, отвечающие за восприятие и говорение: глаза противника не должны видеть, уши — слышать, язык — говорить, ум — думать и т. д.

Вполне естественно, что сердце занимает ключевое место в **любвных заговорах**.

Во-первых, в любовных заговорах сердце кажется подобным тому, что мы видели в лечебных, — оно является объектом разрушительного, поражающего воздействия извне, поскольку навязываемое человеку любовное чувство сродни болезни и порче. Однако если в лечебных заговорах и заговорах, обращенных к властям, действия, приписываемые сердцу или совершаемые в отношении него, были единичными: болезнь призывали не крушить, не томить, не сушить сердце, — то в любовных заговорах ситуация иная. Насчитывается более трех десятков глаголов, описывающих состояния, которые переживает сердце. И кроме того, эти состояния, вызванные вмешательством извне, часто нанизываются, соплагаются в одном тексте, что максимально усиливает магический эффект: «Не мог бы он без меня ни жить, ни быть, ни дня дневать, ни часа часовать, и *была бы у него на сердце скука и дума, печаль, тоска-кручина, тоска тоскучая, тоска горячая, тоска суховая, тоска горевая, тоска вековая*. Век по веку, отныне и до веку и все бы его *сердце рвало*

и щипало, тлело и горело, ныло и болело, таяло, дурело обо мне, рабе Божьей (имя)» (РЗЗ, № 714); «Как на быстрых реках луговая трава подкосоная сохнет и вянет, так же бы и у рабы Божией (или у раба Божия имя рек) сердце сохло и вяло, и ныло, и тосковало об рабе Божием (или рабе Божией имя рек)» (Виноградов 1, № 123).

Вместе с тем, если внимательно присмотреться к списку глаголов, описывающих эти переживания и ощущения, испытываемые сердцем в любовных заговорах, то выяснится, что всё это множество глаголов легко укладывается в несколько основных групп.

Первая и самая многочисленная группа контекстов связана с воздействием на сердце огня (или тепла), приносимого кем-то, переносимого с чего-то или кого-то или кем-то насылаемого: сердце можно *разжечь/сжечь/распалить/распекать, вложить в него огонь*, см. также *печь около сердца; сердце печется/топится* и т. д.: «Бес Салчак... не сожги орехового дерева, а сожги ретивое сердце в добром молодце...» (Предрассудки и поверья: 203). Еще более многочисленны контексты, в которых самому сердцу приписывается способность *гореть/печь/тлеть/кипеть/сохнуть/вянуть* и т. п. При этом выясняется, что во втором случае заговорные формулы, как правило, тесно связаны с любовной магией и в большинстве своем описывают реальную магическую процедуру: некто что-то сжигает и параллельно произносит формулу, призванную разжечь любовное чувство: «Пот мой, взойди в рабу мою в ретивое сердце. Сердце бы горело, кровь бы кипела о рабе (имя рек)...» (РКЖБН 2006/4: 325) или «Най тебе так пече коло сердца, як твій слід печеса коло вогню» (М.Б. 1867: 692, укр.), ср. формулу в ритуале: топят воск вместе с куском нижней рубахи девушки или парня, говоря при этом: «Щоб тебе пекло за мною, як пече о той виск... щоб в тебе топылося сердце за мною, як топыться о той виск» (Розенберг 1901, № 31, укр.-кубан.). О горении сердца см. также ниже, в связи с народной лирикой.

Во вторую, не менее репрезентативную группу входят контексты, предписывающие *пустить/послать/направить/понести/поместить/вложить/снять с одного человека и вложить в другого тоску/жалбу/кручину/сухоту/чахоту/печаль* и т. д.: «Спушишу я, раб Божий, на бабную Божью девицу (имя рек) три тоски тоскуиё, три сухоты сухотушииё, три жалбы жалбуцё — в сердце ретивое, в лехкое, пецень и в кровь горящую» (Виноградов 2, № 101).

Третью, гораздо более скромную по своим масштабам группу составляют контексты, которые навязывают сердцу болезненные ощущения, более характерные для народной лирики (см. ниже). И в четвертую группу входят также относительно редкие примеры, в которых сердце подвергается физическому воздействию: его *крушат, секут, режут, разбивают* и т. д.: «Надуйте вы, ветры... тоску тоскушшую, посекуте

булатным ножом все ретивое сердце, посадите в ие тоску тоскушшую...» (Серебренников 1918: 10).

Все эти глаголы показывают, насколько любовное чувство близко физическому недугу по своему воздействию на сердце человека. Однако если в лечебных заговорах речь идет о телесном сердце и потому глаголы физического действия и состояния используются в них преимущественно в своих прямых значениях (или близко к ним), то в любовных, как мы видели, они описывают эмоциональное состояние и потому скорее реализуют значения символические.

Теперь взглянем на то, в какие ассоциативные ряды входит сердце в любовных заговорах.

Во-первых, сердце ассоциируется с душой и умом/головой — как «органами» чувств, памяти и формирования суждений: «...так бы раб Божий Василий держал рабу Божью Клавдию в ретивом сердце, буйной голове днем при солнце, ночью при месяце» (РЗЗ, № 700); «Я, девица брва, стою на ноге правой, головой шатну, тоску пуцу по всему свету, своему богосуженому в сердце и душу» (Суеверие и предрассудки, № 76: 673). Связь сердца и ума, отношение к сердцу как кместилищу эмоционального и интеллектуального восприятия объясняет то, почему слова любовного заговора *посылают/отправляют/несут/кладут* именно в сердце любимого: «Унесите двенадцать слов могущих, двенадцать слов горящих моему милому (имя) в ретивое сердце...» (РЗЗ, № 708, то же 718); «подите, эти слова, в ясные очи, в ретивое сердце» (Едемский 1911: 136).

Во-вторых, сердце соотносится с телом и плотью как средоточием физического чувствования, что тоже вполне естественно: «Лети, змея, к рабу (там такому-то), разбери и разожги белое тельце, ретивое сердце» (Курец 2000, № 36); «Ветры... снесите присуху в красную девицу, в белое тело, в ретивое сердце, в хоть и в плоть» (Харитонов 1847: 156). В любовных заговорах сердце вообще оказывается связано с телесными контактами, хотя бы и в метафорическом смысле, через буквализацию и частичное опредмечивание таких языковых метафор, как:

— *прижать к сердцу*: «...щобы бежала ко мне, садилася на колени, целовала и миловала, крепко к сердцу прижимала» (Едемский 1911: 135); «Матушкі вставалі... огненнае вогнішча раскладал і яго сэрца распекалі і ка мне прыжымалі, штоб ён міне так любіў і жалеў, як маці малое дзіця» (Цяпкова 2016: 378, бел.)⁸;

8 Тот же мотив встречаем изредка в любовной и свадебной лирике: «Горная боярыня / Степанида Охромеевна... / Только она возлюбила / У Пётра на ручке спать... / Супротив сердечушка, / Супротив ретивого, / Рукавком накинувши, / Ко сердцу притиснувши!» (Киреевский 1, № 174).

— *братъ за сердце*: «Ты меня за руку, я тебя за руку, *не за руку беру, за ретиво сердце*, не за руку беру, за жильную кровь» (РЗЗ, № 666);

— *привиться сердцем*: «...около того древа вьется хмель накрепко, *так бы тот р.Б. и.р. ко мне, рабе Божией, привился крепко-накрепко всем своим сердцем*, и всею душою, и всею мыслию» (Олонецкие губ. вед. 1873/36: 431), и т. д.

Развитием темы телесных контактов становится мотив соединения, срастания двух сердец и двух тел: «так бы... присыхала р.Б.и.р. о мне, р.Б. и.р., *очи в очи, сердце в сердце, мысли в мысли*» (Соболев 1914: 19); «Как соли жгут и варят, так бы и у них р.Б. и.р. *горело и кипело сердце с сердцем, легкое с легким, живот с животом...*» (Иваницкий 1890: 133), а также переживание ими сходных чувств: «...*их сердца бы сохли и горели друг по дружке* век да по веку» (Попов 1903: 221).

И наконец, еще одна деталь: в любовных заговорах, хотя и крайне редко, появляется мотив верности и «постоянства» сердца: «Заговариваю я... своего милого... в путь дальнюю дороженьку... чтобы ноженьки его не износились, глазыньки его не утомились, *сердечушко ко мне, р. такой-то, не изменилося, от меня не отворотилося...*» (Соболев 1914: 20), — столь актуальный для любовной темы в целом.

Заметим в заключение, что все эти аспекты образа сердца не изолированы в любовных заговорах — они усиливают друг друга, формируя единый, спаянный образ живого, чувствующего и восприимчивого сердца: «...так бы тот раб Божий (имярек) ко мне, рабу Божию (имярек), *привился крепко-накрепко всем своим сердцем, и всею душою, и всею мыслию...* И поставлю аз, раб Божий (имярек), печь медную, и положу дубовых дров, и *разожгу сердце* у раба Божия (имярек) и все мысли... Повеите, буйные ветры... *возмите вы сии мои слова* и понесите вы к тому рабу Божию (и. р.) и *положите под его пазуху под левую сторону, к его ретивому сердцу* и к душе» (Олонецкие губ. вед. 1873/36: 431).

В отсушках (заговорах, направленных на прекращение любовного чувства и расставание двух людей) действия, состояния и ощущения, приписываемые сердцу, в точности противоположны тем, о которых мы упоминали, говоря о собственно любовных заговорах. Вместо навязывания сердцу горения по возлюбленному отсушки настаивают на том, чтобы *заморозить/застудить/охладить сердце*: «Ай же ты, царь ледяной, не морозь не рек, не озер, не синих морей, а *застуди, заморозь ретивое сердце* у раба Божьего Н. и у рабы Божьей Н. ...» (Кофырин 1900: 2). А желание наслать тоску на сердце уступает место стремлению *вынуть/смыть тоску из сердца*: «...Река быстрая... прихожу я к тебе... мыти и полоскати лицо белое, *чтобы спала* с моего лица белого сухота плакучая, а *из ретива сердца тоска тоскучая...*» (Гуляев 1848: 50).

Таким образом, в любовных заговорах сердце, с одной стороны, сохраняет свою телесную, физическую природу (и это роднит их с лечебными), с другой — выступает средоточием эмоционального мира, органом чувств и их вместилищем, а это, в свою очередь, сближает их с заговорами к властям, с одной стороны, и с широким полем народной лирики — с другой.

Вторым жанром, о котором пойдет речь в нашем исследовании, является причеть, и прежде всего **похоронные причитания**. На данный момент в нашем активе имеется более тысячи текстов похоронной причети; на 80% это русские причитания и только на 20% — белорусские и украинские. Речь ниже пойдет о сердце умершего человека, того, чья потеря и становится поводом для голошения, а также о сердце человека страдающего — о сердце вопленицы (обычно матери, жены или сестры умершего). Мы увидим, что причеть выстраивает своеобразный диалог двух сердец или, точнее будет сказать, — уподобляет одно сердце другому.

Формально причеть констатирует смерть сердца и его посмертную остановку, «отверждение», однако, взяв за основу это чисто физиологическое состояние, она метафоризирует его. Смерть описывается в причети как окаменение сердца, которое не способно откликнуться на призыв тех, кто оплакивает умершего. Эта безответность сердца, его «безразличие» к живым вменяется в вину умершему, который, как говорит причеть, «скрепил свое сердце крепче камня»: «Колько кликать да не докликаться / Своєво кормильца-батюшка. / Укрепил да ретиво серцьцё / Крепце камешка горюцєво» (Соколовы 1915: 395).

В ответ на это оставшиеся в живых также вынуждены унять свои сердца, заставить их замолчать, и в этом смысле живые уподобляют себя умершему. В разработке этой темы причеть обращается к языковым метафорам, развивая и дополняя их. Главным образом речь идет о метафоре, связанной с глаголами *держать* (в том числе в выражениях типа *держать при себе*), *сдерживаться*, диал. *содерживать* (т. е. удерживать себя от проявления каких-л. чувств — СРНГ 39: 208), *держать в себе* и под. Человек страдающий вменяет себе в обязанность держать свои чувства в себе, скрывать их в сердце, не позволяя эмоциям выйти наружу: «Уж как меня будут упрекать да укорять все чужи много-добрые людюшки... так уж я как сдержу свое зяблое сердце ретивое, свою многу тоску да кручину великую?» (Цейтлин 1912: 161). Идея «сдерживания сердца» сближает глаголы с корнем *держ-* с некоторыми другими, ситуативно синонимичными, такими как *смирить/покорить (сердце)*: «И покорю свое ретиво я сердечушко / Что желанному родителю я дядюшке...» (Барсов 1: 283); *унять (сердце)*: «Мне пойти-то, горемышной, сиротинствовать? Унимать мое горючее сердечушко...»

(Барсов 1: 296), заставить сердце *молчать*: «*Ой, молци, молци, ретливое сердечушко!*» (Барсов 1: 283) и, наконец, *знобить/холодить (сердце)*: «*Нонь уж возьму да навалю себе на зябло сердце ретивое... холодную льдину зазнобную, уж пусть знобит да холодит мое зябкое сердце ретивое...*» (Цейтлин 1912: 159).

Таким образом, причеть моделирует два образа — окаменевшего и безответного сердца умершего и уподобляемого ему сердца человека страдающего, который призывает самого себя сдерживать чувства в сердце и тем самым справиться с горем. На этом примере мы видим, как причеть обыгрывает и физиологию смерти (отвердение тела), и языковые метафоры.

Другой пример взаимного уподобления человека страдающего и человека умершего — это мотивы, которые отражают стремление живых физически сблизиться с умершим. В основе этих мотивов лежат поэтически вербализованные жесты похоронного обряда, такие как прикосновение к умершему, возложение руки ему на лоб или грудь, поглаживание волос, прощальный поцелуй и т. д., причем понятно, что в этих контекстах сердце и грудь соотносятся друг с другом как часть и целое. В итоге эти жесты преобразуются в мотив *припадания* или *приближения к сердцу*: «*Ты сидела ли, победная, близёшенько, / Припадала ль к ретливому сердечушку, / Приласкалась ли ко белу его личушку...?*» (Барсов 1: 132); «*Как я сяду ко своей матушке, / Сяду я ко сердечку ретивому; / Положу я свои белы бумажны рученьки / Ко ея сердечку ретивому. / И убьюсь я слезами горькими и горегорькими*» (Малиновский 1886: 44).

Скорбящий по умершему тяжело переживает невозможность приблизиться к сердцу дорогого ему человека: «*Мої сини... Та якого ж я вам гостинця передам? Покочу я яблучко — зогние, покочу булочку — зацвіте, покочу бубличок — не докотить ся і до твого серденька не пригонеть ся*» (Свенціцький 1912: 56, укр.); «*Уж как сись <сесть> же мне-ка, беднушки, / Супротив сердца ретивого — / Как супротив сердца ретивого / Сидя(т) Господа апостолы / Уж не пустя миня, бедную, / Вдовы только молодую...*» (Шайжин 1902: 2). Поэтому человек страдающий сам обращается к умершему с просьбой прижать его к сердцу: «*Ты раздай-ко-ся, мать сыра земля, / Поднимись, родная мамонька, / Ты прижми а к ретиву сердцу / Своего дитя несчастного, / На свету чтобы мне не маяться...*» (Смирнов 1920: 81), «*Ты приди-ко, лада милая, / Ты приди хоть ночью темною... / И прижми-ко к ретиву сердцу, / Ты горяшу крепко-накрепко... / Хоть на малую минуточку: / Той минутой радость скажется, / Той минутой сердце спрыгает...*» (Шейн 1900: 784), а также просит умершего вернуться и поселиться у сердца оплакивающего его родственника. Так, сестра умершей призывает ее душу: «*Ты взмахни ко мне ли во светёлочку... / У сердечика моёво приютися!*» (Барсов 1: 305).

Как известно, причитания активно взывают к умершему в попытке вернуть его к жизни, разбудить, поднять, воскресить. Развивая эту тему применительно к образу сердца, причитания также переосмысливают обрядовую жестикуляцию, в частности «жесты» покойного. Основной жест, приписываемый покойному, — то, что он сложил или скрестил руки на груди или, как описывает причеть, сложил руки на сердце: «Подойду я сиротинонька, / Я к своей да милой ладушке... / Ты сложил да белы руценьки / На своей да белой груди, / Ты прижал да к ретиву серцью» (Соколовы 1915: 398, Белозер. у.); «Маё милая дитятка, што ш ты сацапила свае белаи руцаньки к ретиву сярьдцушuku, аставила мяне, горькая, нищаснаю?» (Романов 8: 544, бел.).

Поэтому воскрешение или пробуждение умершего заключается в том, чтобы заставить его *распахнуть руки, размахнуть, распустить, оторвать, отобразь, отнять, отделить, отжимать, отшибить их от сердца*: «Дак уж и открой-ка ты, матушка, / Свои очи да ясные, / Да уста-ти горячие, да, / Отдели-ка ты, матушка, / Свою правую рученьку / От сердца да ретивого...» (Югай 2011: 30)⁹; «И откройся, гробова доска, / И вздыбися, полотно белое, / И распуститесь, ручки удалые, / И открой ты очи ясные...» (ФНО: 72); «Ты ш радитильница, ронная матушка, размахни сваи белыи руцаньки ат рятывога сярьдцушuka...» (Романов 8: 542, бел.); «...отожмитесь, ручки белые, от ево ретива сердычушка» (Попов 1879: 179), ср. также *развязать на сердце белы руки*: «Развяжи ты, Господи, на сердце белы руки, / Вложи, Господи, / Ты душу в белы груди...» (Барсов 1: 292) — как отзвук практики завязывать руки покойника в гробу.

Среди других приемов «пробуждения сердца» причеть предусматривает возможность разогреть сердце умершего горячими слезами: «Уроню да горькая горяшка, / Я свою да горячу слезу / К своему супругу милому... / На ретиво сердце. / Не разгорится ли ретиво сердце, / Не раскроется ли гробова доска» (Смирнов 1920: 66); разговорить: «...я уж сяду ко зяблomu сердцу ретивому... / уж мы будем-кось его будить да возбуживать, / уж говорить да разбаивать» (Цейтлин 1912: 160) и т. д.

Теперь о сердце человека страдающего. Для выражения сердечного горя похоронная причеть активнее всего использует представление о сердце как о самостоятельном индивиде, живущем собственной жиз-

9 Обратим внимание, насколько точно причеть воспроизводит деталь обряда: при сложенных на груди крест-накрест руках *отнять, отшибить от сердца* можно именно правую руку, которая покоится на левой стороне груди. Мотив «отшиби ручку правую от сердечка ретивого», кажется, характерен прежде всего для вологодских причитаний (см.: Ефименкова 1980: 164 и др.).

ню. Реально, на уровне текста, это выражается в том, что сердце чаще является не объектом вторжения негативных эмоций, а субъектом подобных эмоций, которые передаются глаголами, описывающими эмоциональные состояния. На данный момент мы насчитали восемь таких глаголов, причем первые три являются основными.

В похоронных причитаниях сердце человека *унывает*: «Не болит да, кажись, буйная головушка, / *Уныват столько ретливое сердечушко!*» (Барсов 1: 125); ему *тошно*: «Уж топерь как то я стану жить гореватися, / Ходить мир по миру по крещеному... *Уж топерь тошнехонько тошнеть ретиво сердце*; / Бежать горькия слезы горецкия» (Истомин 1892: 145); «Устань, устань, наш татунька... / Гора наша и *серцу тошна*, / Татки вярнути з могилы не можно...» (Шейн 1890/1/2: 649, бел.), и сердце *обмирает*, лишается чувств: «Без желанного родителя, / *Обомре у меня сердеченко* — / Нет у меня надежиньки, / Ни великой уборонушки!» (Олонецкие губ. вед. 1868/45: 645); «Мій сину, моя зернино... / Куди не піду я, а тебе не зустріну. / *Сердце материнське від жалю зімліє*» (Голосіння: 279, укр.; *зомліти* 'лишиться чувств, обмереть'). Значительно реже сердце *обижается, досадует, тоскует, беспокоится* или *пугается*.

Несмотря на то что мы насчитали всего восемь глаголов эмоциональных состояний, приписываемых сердцу в похоронной причети, суждение о бедности этого словаря было бы ошибочным. Для выражения эмоциональной потери, испытываемой сердцем, причеть гораздо активнее и шире использует глаголы физического состояния и действия, которые в контексте причети меняют свои прямые значения на метафорические (как часто происходит и в языке). Такие глаголы (а их больше 30) гораздо выразительнее передают значение страдательности, крайней степени истощения сердца. Покажем лишь основные.

Глаголы первой группы описывают состояние сердца, подвергшегося воздействию жара или холода. Сердце в этом случае *збнет/знобится* и *дрожит*: «Сонечко мое праведнее, откотилось ти од мене; одвалилось мое сердечко, *ззнобилося мое сердечко* по тебе, мій синочок» (Свенціцький 1912: 62, укр.); «Упустила я сваю радитильницу... *Зазнабила маё сярдечушка на цэлыі гадоцык!*» (ППГ, № 126, бел.). И такое сердце обычно нельзя обогреть: «Не по-старому печи что красно буде солнышко... / *Не обогреет и ретливого сердечушка!*» (Барсов 1: 290), хотя иногда от обиды оно может разгореться и само. Зябнувшее сердце противопоставляет похоронную причеть лирике и даже эпосу, для которых «разгорание сердца» — едва ли не основное состояние.

С помощью глаголов второй группы описываются болевые и иные неприятные ощущения. Сердце *цемит*: «Нехто не закинет, не заложит, не пожалет-то, не поболет по мне. / Все болит моя буйна голова, / Всё

ишемит ретиво сердцецё» (Марков 1906: 143); поет: «*Нюют малые сердечушки большёшенько, / Будут жить без батюшки тошнёшенько!*» (Барсов 1: 308, о детях покойного); болит: «*Изболит мое сердечушко, / Да изожавеет ретивое, / Все об вас, малы деточки*» (Шейн 1900/1/2: 783) и даже обливается кровью: «*Плачет мать по вас заўсегда... сердца маё абливаецца кроўю: не магу я жиць на белым свете, не магу дасадушки перанесьць*» (Добровольский 2: 332). Одним из ключевых мотивов волюгодских причитаний является развитие языковой метафоры *камень на сердце*: «*Ой, навалил-то час дитятко, / Да родимой-то мамушке, / Ой, своей милой-то ладушке, / Ой, стопудов серой камешок, / Ой, на сердечко ретивоё — / Ой никогда не отвалится*» (Ефименкова 1980: 94). Заметим, что болевые ощущения, приписываемые сердцу, являются общепольклорной константой и встречаются во всех жанрах, в которых фигурирует и само сердце.

Глаголы третьей группы описывают сердце как подвижный орган. Сердце *свивается* и *забивается*: «*Как послушай-ко, сердечное, / Рожное, милое дитятко! / Как сегодняшним денечком / У меня да у горяшицы / Сердце клубышком катается, / Оно червышком свивается...*» (Рыбников 1864/3: 418); «*Дак ек завижу я, горяшко, / Я родимаё мамушки... / Дак тут загнёт-то у меня / Моё сердцецко ретивоё...*» (Югай 2011: 73). Свившееся сердце напоминает об образе змеи, которая свилась вокруг сердца и сосет его, — образе, которого нет в причитаниях, зато он известен в народной лирике. Кроме того, сердце может просто перемещаться — оно *падает* (ср. *сердце в пятки ушло*): «*Как та бурюшка-то зашумляла, / Мое нутрышко всё защемяло / И сердечушко ли упало!*» (Барсов 1: 317), а также сходит с места и сдвигается: «*Подломились у мня резвыи тут ноженьки, / Приурахнулось ретливое сердечушко!*» (Барсов 1: 86; где *рахнуться* — это сдвинуться, сойти с места, в том числе сойти с ума).

Физические глаголы четвертой группы описывают сердце рвущимся и ломающимся. В русской традиции оно *крушится* или *трескается*: «*У вдовы тут у родителя у матушки / Перетрескае ретливое сердечушко, / Столько ростица сердечных малых детушек!*» (Барсов 1: 135, о вдове, оставшейся с малыми детьми), а в украинской и белорусской — *рвется*, *режется*, *лопается* и т. д.: «*Людські діти будуть віддаватись, а моє серденько на шматки буде краятись*» (Свенціцький 1912: 42, укр.); «*Єку ти ми муку завдашч, ек ти своє сердечко роздираши!*» (Там же: 52, Закарпатье); «*Не знаєте, люди добрі, ек міні тежко, ек міні серце пукає*» (Там же: 65, Закарпатье); «*А не будець мойго детуньки; Будеть ирвьтсья мое сердунько*» (Шейн 1890/1/2: 658, бел.). Сюда же можно присовокупить глаголы, которые говорят о сердце как об органе, силы которого истощаются. Сердце *надрывается*: «*Ретиво-серцё да надрываитце, / Горюцьми слёзьми да обливаитце*» (Живая старина 1893/2: 388–392); *надсаживает-*

ся: «Вот и плачу, бедна сирота, / *Свое сердчѣ насаждаючи...*» (Олонечкие губ. вед. 1896/39: 3); *изматывается*: «*Мое сердечушко измоталося, / С тоской, грусточкой спозналося. / Хоть повидать тебя на минуточку...*» (Соболев 1912: 12); *поражается*: «*Донечкьо моя, вірнице моя! Ти то мені красно співала — / А тепер-сс мені жілю наробила! / Ти то мені серце уразила...*» (Свенціцький 1912: 46, укр.-карпат.) и т. д.

Наконец, глаголы пятой группы характеризуют сердце страдающего человека как, условно говоря, «портящееся» — оно ржавеет: «*Тут не ржавело б ретливе сердечушко, / Тут не ныла бы бесщастная утробушка*» (Барсов 1: 51), вянет: «*Та чужі ж діти будуть гукати таточку, / А в нас буде серденько в'янути*» (Голосіння: 219, укр.), сохнет: «*Как у меня да у горюшицы, / Как без жару серьцѣ высохло, / Без морозу серьцѣ вызяло...*» (Соколовы 1915: 398) и т. д.

Жалуясь на свою сердечную боль, субъект причети не оставляет надежды и просит умершего облегчить эту боль, обрадовать или развеселить его сердце: «*Ты возьми да, сударь батюшко... / Ты промолви да словечушко, / Ты обрадуј да сердечушко...*» (Соколовы 1915: 396); «*Ты скажи-ко, вымолви словечушко, / Ты скажи слово по-прежнему. / Чтобы сердце мое прыгало / От радінья и от радости*» (Шейн 1900: 784); «*Да проговори-ко словечико, / Да обвесели сердечико...*» (Югай 2011: 37), — а также обращается к высшим силам с просьбой вложить в сердце умершего «желаньицѣ»¹⁰ — доброту, любовь и заботу о тех, кто остался: «*Опуститесь с неба, ангелы, / Вы вложите в тело душеньку... / В ретиво серьцѣ желаньицѣ*» (Соколовы 1915: 396, дочь по отцу).

Несколько слов о том, в какие ассоциативные ряды входит сердце в похоронных и рекрутских причитаниях. С одной стороны, заметно, что сердце здесь вполне телесно. Наиболее выразительны в этом смысле мотивы причитаний, описывающие попытку разбудить умершего, где сердце оказывается в ряду других частей тела и его органов: «*Вовложите душу в белую грудь, / В резвы ноженьки — хоженьицо, / В белы рученьки — маханьицо, / Во язычек — говореньицо, / Во сердечушко — здыханьицо!*» (Барсов 1: 72). Человек страдающий переживает смерть близкого не только сердцем, но как бы всеми частями и органами своего тела: «*Подломилисе но... ох ...женьки, да / Опустилисе ру... ох ...ченьки, да / Пересмякло-то ли... ох ...чико, да / Захватило сердце... ох ...ечико!*» (Ефименкова 1980: 162), в том числе утробой: «*Мое нутрышко всё за-*

10 С.-рус. диал. *желание, желанье* — «забота, ласка, любовь» (СРГК 2: 42). Присутствие *желанья* в человеческом сердце — свидетельство его душевности и иных позитивных качеств: «*Он не гордой был, свет, да разговорной, / В сердчи было великое желаньице, / Не прилестное желаньице — сердешное!*» (Барсов 1: 169, о брате).

шемляло / И сердечушко ли упало!» (Барсов 1: 317); грудью: «Знать, у батюшка желанного / Со укладу сердце складено, / Со железа груди скваны...» (Барсов 1: 59); головой: «Забаліць мая галовачка, / Закамянеіць маё сэрдачка...» (ППГ, № 245, бел.); лицом: «Без морозу сердце вызыбло, / Без дождя личко повымокло!» (Барсов 1: 61); ногами: «Захолонуло мое сердечушко, / Подкосились мои быстры ноженьки» (Соболев 1912: 12) и т. д. С другой стороны, в причитаниях сердце ассоциируется не только с телом и его частями и органами, но также с интеллектуальной составляющей человека – с его головой, мыслями, умом, памятью и т. д.: «Содержать ли нам то горюшко во сердце, / Как изнять его, горюшица, из мысли?» (Барсов 1: 305) (об этом см. ниже).

Таким образом, в похоронных причитаниях сердце — это некий конструкт, в сложении которого самое активное участие принимают и язык, и похоронный ритуал, и фольклор в целом. основополагающее значение для формирования образа сердца имеет поэтическое развертывание и опредмечивание языковых метафор. Например, выражение «отдать часть тела / орган за кого-то» реализуется в известном мотиве украинских похоронных причитаний о покупке новой матери взамен умершей (мотив «Где те ярмарки или торговцы, которые продают матерей?»): «Та не має тих крамарок, що продають ріднесеньких маточок. *Серця б влупила та матінку купила!*» (Свенціцький 1912: 101, укр.). Некоторые образы складываются как бы из нескольких языковых метафор. Например, выражения «тяжесть/камень на сердце» и «холод на сердце» порождают образ сердечного горя как ледяной тяжести: «На моем то на ретивоєм, / На безцясном на сердцеюшки / Е заносы снежку белого, / Ды погребощьки ледку ярого, / Е великая обидушка, / Не удольная круцинушка» (Шайжин 1902: 2).

Помимо языковых метафор в формировании поэтического образа сердца соучаствует и сам похоронный обряд, прежде всего — через переосмысление ритуальных жестов и физиологии смерти. При описании этих ритуальных жестов (например, прикосновения к покойному, лежащему в гробу) причеть также использует языковые метафоры (*прижаты к сердцу*), максимально опредмечивая их и создавая визуально яркие образы.

В севернорусских **свадебных причитаниях** сердце фигурирует значительно реже, чем в похоронных. Известно, что причитания массово представлены главным образом в первой половине свадебного обряда, на этапах сватовства, сговора и девичника, для которых характерны мотивы прощания девушки с вольной жизнью, семьей и родным домом, а также мотивы страха перед чужой семьей. Именно в связи с этими темами в причитаниях обычно и упоминается сердце.

Мотивы первой группы касаются взаимоотношений девушки с родными, домом и девичеством в целом.

— Жизнь в девичестве ассоциируется у невесты с «радостью сердца»: «У вас, мои родители, / Я жила да красовалася, / *Мое сердце радувалося*, / Как пчела, в меду купалася» (ФНО: 100).

— Заметное место в причети занимают жалобы невесты на ожесточение сердец отца и матери, которые не желают прислушаться к ее мольбам и позволить ей остаться дома: «Ты не мать да стала — мачеха, / *У те с железа сердце сковано*, / *А чугуном сердце залито* — / Заковали добры молодцы... / Клади замочки шерлупчаты, / *Призамнули у тебя, родителёк*, / *Сердечушко ретливое*» (Шахматов 1948: 44); «У моих-то у родителей: / У кормильца-то у батюшки, / У роженой-то у матушки / *Со булату сердца скованы*, / *В коробеичку положены* / *И замочиком заложены*» (Некрасов 1875: 146). В других регионах Восточной Славии, где свадебные причитания неизвестны, близкие мотивы встречаются в свадебных песнях, ср. мотивы каменного или ледяного сердца у родителей: «Ой ты, Леначка маладзенькая, / Да чаго сядзіш, чаму ні плачэш?.. / Сваю мамачку ты ні разжаліш? / — *Ў маёй мамачкі камянно сэрца*, / *Камянно сэрца, ніжалосная*» (Цэнтральная Беларусь: 452, бел.); «Ажно лютый-то мороз / *Занобил сердечушко* / Родимому батюшке...» (Копаневич 1907, № 95, Псковская губ.).

— И наконец, еще один мотив передает желание невесты подольше удержать при себе, «прижать к сердцу» свою волю как символ уходящего девичества: «Уж возьму да положу на легкую на правую рученьку / *Свою дорогую вольную волюшку*. / Ой, тут ей не место, не местечко; / Будет она мешать мне / В мелких делах суетливых. / *Лучше уж возьму да положу я / Ко зяблomu сердцу ретивому*» (Цейтлин 1910: 21).

Мотивы второй группы касаются не прошлого, с которым девушка расстается, а будущего — ее перехода в новую семью и жизни в ней.

— Ноги не несут невесту, а сердце не дает ей идти в дом жениха: «И не несут да меня резвы тепер ноженьки / *И не дает идти ретливое сердечушко* / И мне на это на крылечко на перёное...» (Барсов 2: 480).

— Сердце девушки испытывает страх при общении с женихом и его семьей: «Как вглянул да чужой чужанин, / Он взглянул не по-веселому, / И вздохнул да по-тяжелому; / А с того вздоха тяжелого / И со взгляду невеселого / Резвы ноги подломилися, / Белы ручки опустилися, / *Ужаснулося сердечушко...*» (Олонецкие губ. вед. 1874/30: 375–378); «И ты не плачь же ведь, девича, за меня идти, / И ты наплачешься, девича, за мной живучи! / И у меня ж тут, у невольной красной девушки, / И как со этих его слов на нелюбимых / *И приужахнулось ретливое сердечушко...*» (Барсов 2: 317). Аналогичные мотивы встречаем и в свадебных песнях, в том числе за пределами севернорусского региона: «Учеши-ка, матушка, / Мою буйну головушку, / У меня у молодой / Руки не вздымаются, / *Сердце ужаснулося*» (Копаневич 1907, № 90, Псковская губ.). Такой же

страх испытывает и материнское сердце: «Радуйся, сердечка мамчены, / Справляя веселя Марилки. / — Тогда мое *сердечка радовалось*, / Як мое дзицятка народзилось. / *Цяпер мое сердечка улякнулося*, / Як мое дзицятка поклонилось» (Шейн 1874: 365, бел.).

— Один из самых частотных мотивов в этой группе — девушке дают совет смирить сердце перед будущими родственниками, покориться им: «Приказал кормилец батюшко / Мне клонить буйну головушку / *И корить да ретиво сердце...* / Как клоню да, красна девушка, / Свою буйную головушку / От верху да до сырой земли, / *И корю да ретиво сердце / Всему поезду хороброму...* / Младому сыну в особину!» (Б-р-ов 1867: 95, 111). За рамками севернорусской плачевой традиции те же мотивы возникают в свадебных песнях: «Душечка Хавроньюшка, будь сама добра... / *Держи голову поклонливу, ретивое сердце покорное...*» (Киреевский 1, № 120, Новгородская губ.).

— На более поздних этапах свадебного обряда в причитаниях появляются мотивы, относящиеся к общению невесты с будущими родственниками, причем если ранее невеста стремилась «прижать к сердцу» свою волю, чтобы подольше не расставаться с ней, то позже она тем же «способом» сближается с будущей родней, а жених демонстрирует свои права на невесту: «Мы плотненько обнимались, / *Сердцем к сердцу прижимались*, / И ко устам да припадали... / И с этой гостей я спозналася / И нынь со волей пороссталася!» (Барсов 2: 479, при приезде поезжан и знакомстве с семьей жениха); «И подходить да стал остудник — блад отечской сын, / И захватил меня, девичу, за право плечо, / *И он прижал меня, девичу, к ретливу сердцу...*» (Барсов 2: 372). Близкие мотивы обнаруживаются и в свадебных песнях: «Государь родной батюшка... / Я и рада б приголубить его... / *Ретиво сердце испугалось*, / На все стороны кидалось, / *Ко Ивану приклонялося, / Ко Александровичу приклонялося*», — сообщает невеста (Киреевский 1, № 206, Тверская губ.).

Наконец, в мотивах третьей группы, которые встречаются в причитаниях как ранних, так и более поздних этапов свадебного обряда, сердце предстает как вместилище эмоций и переживаний невесты, среди которых преобладают такие состояния, как *печаль, кручина, забота, тоска, теснение, обида, уныние, надрыв* и др.: «Не дали сроку родители, / Не дали сроку жаланные, / Обневолили головушку, / *Обзаботили сердечушко*» (Филимонов 1893: 7); «И как живучи на чужей на сторонущу / *И паде печаль на ретливое сердечушко* / И тут поблекнет твое бело это личушко...» (Барсов 2: 306); «Будут ветрушки теперь да повивати; / Воля вольная век свой да горевати, / *И сердцеюшко мое да тосковати...*» (Истомин 1892: 141); «Я сойду-ли, красна-девушка, / На судимую сторонущу; / *Как стоснется, да сгорюется / Мое бедное сердечушко...*» (Олонецкие губ. вед. 1874/31: 389).

В рамках этой группы обращают на себя внимание мотивы, связанные в том числе с ритуальной баней невесты, в которых она высказывает желание смыть печаль и кручину со своего сердца: «Так подай же мне ты, матушка, / Ключевой воды умыться, / Мне умыть да лице белое, / Со бела лица грязиночку, / *С ретива сердца ржавиночку...*» (Некрасов 1875: 149), ср. аналогичный мотив в свадебной песне: «Спасибо, сестрицы подруженьки, что... / *отмыли от моего сердца / Злу тоску-кручинушку...*» (Копаневич 1907, № 77, Псковская губ.).

Именно мотивы свадебных причитаний третьей группы, в которых сердце предстает вместилищем и одновременно источником эмоциональной деятельности человека, служат мостиком между свадебными причитаниями, ограниченными своим обрядовым узусом и ареалом, и широким кругом **свадебной обрядовой** и особенно **необрядовой лирики**, имеющей хождение по всей Восточной Славии. По наблюдениям И.С. Климас, в русской лирике преобладает субъектное употребление слова «сердце», когда сердце выступает преимущественно как субъект пассивный, страдательный, свидетельством чему может служить перечень глаголов при слове «сердце» в его субъектном употреблении: сердце может *надорваться, болеть, дрогнуть, зазнобляться, за(об)мирать, занывать, щемить, облиться (кровью), позябнуть, поизныть, растосковаться, сокрушаться, страдать, тужить, щемить* (Климас 1999: 23). Этот перечень глаголов (как «физических», так и психоэмоциональных) можно продолжить, в том числе за счет украинского и белорусского материала. Сердце способно также давить, вянуть: («*Їсти хочу — аж серденько в'яне. / Як до столу — свекруха погляне...*» — Вес.п., № 1083, укр.), нудить: («Ой бо без тебе житии мене трудно, / *Як тя не виджу, серцю мому нудно*» — Головацкий 1: 249), ныть («У нас сенья заручыны... / *Марыначка галовачку скланіла, / У матушкі сардэчка заўныла* — Вяселле 1, № 174, бел.); грустить, а также испытывать и положительные эмоции, в частности *млеть* (от любви): («Ой не стой же, мила, с инчим на розмове, / *Бо мне серденько млеє*» (Головацкий 1: 286); «А наша Манечка, як квет бялее, / *Як ён не ўвідіць, дык сэрца млеє*» (Вяселле 1, № 369, бел.); *цвести*: («Ой ненько моя, ненько, *зацвіло серденько, / Ніхто мене так не любить, як той Коваленко. / Коваленко грає, дівчина гуляє...*» (Пісні Поділля: 439, укр.) и нек. др.

Большая часть такого рода контекстов создает палитру образов сердечных ран, вызванных разбитым сердцем, предательством и изменами, невозможностью соединиться с возлюбленным и иными подобными ситуациями и сопутствующими им эмоциями, притом что сами эти ситуации переданы в лирической песне лишь отдельными мазками и деталями.

Субъектных употреблений слова «сердце» в лирике, конечно, больше, чем объектных, однако эти последние не менее выразительны в том отношении, что показывают сердце объектом преимущественно негативного эмоционального воздействия, чаще всего передаваемого глаголами физического действия в метафорических значениях. Сердце в лирических песнях

— режут: Девушка выходит замуж за нелюбимого и просит оставленного ею любимого не резать ее сердце: «І з ким ходила по захід сонця, / Той стоїть край віконця... / В дудочку грає, / Серденько моє крає. / Ой не стій, не стій край віконечка, / Не край мого сердечка!» (Вес.п., № 614, укр.); «Не журися, переполонько, нами, / Як мы подрастем, розлетимся сами... / *Роскраємо серце на две половини*» (Головацкий 1: 273, укр.-карпат.); «*Твои серые глаза режут сердце без ножа; / Твоя частая походка возвела меня в чахотку*» (Соболевский 7, № 282);

— рвут и ранят: Соловей, «ты раненько спевашь, мое сердце зрываешь... / Не щечечи раненько, *не рань мое серденько*» (Головацкий 1: 259, укр.-карпат.);

— крушат: «Ты неправду, девка, баешь, не те речи говоришь, / *Мое сердце крушишь!*» (Соболевский 7, № 627);

— <заставляют тосковать>: «Три я годичка служил, / Ни об чем я не тужил; / На четвертый на годочек / *Стал я сердцем тосковать*, / Стал я письма посылать / Об любезной о своей...» (Соболевский 7, № 172), а также

— гневят и веселят: «Вийди, вийди, ненечко, / *Розвесели сердечко, / Бо воно засучене, / Відколи заручене*» (Вес.п., № 596, укр.); «Николай в Прасковьюшке спрашивает: / — Скажи, скажи, Прасковьюшка, правду всю... / Кто тебе, Прасковьюшка, из роду мил? / — Мил мне, милешенек батюшка родной. / — Прасковья моя, неправда твоя... / Не дело ты баишь, не речь говоришь, / *Мое молодецкое сердце гневийшь...* / Николай в Прасковьюшке спрашивает: / «Скажи, скажи, Прасковьюшка, правду всю... / Кто тебе, Прасковьюшка, из роду мил?» / — Мил мне, милешенек ты, господин. / — Правда твоя, истинная, / Дело ты баишь, речь говоришь, / *Мое молодецкое сердце веселишь*» (Киреевский 1, № 417), и т. д.

Кроме того, в лирике получили широкое распространение конструкции типа *дать/иметь в/на сердце тяжесть, тоску, жалость* и т. п., также указывающие на то, что сердце выступает в лирике как носитель негативных эмоций, как их средоточие (см. выше те же мотивы в любовных заговорах). Это может быть

— тоска: «<Соловьи> жалко возжупляли, / *Моему сердцу тоску давали*» (Соболевский 7, № 300);

— жалость, жаль: «Ой не шуми, луже, дубровною луже, / *Не задавай серцю жало*, що я в чужом краю (Головацкий 1: 269);

— туга/тяжесть/камень на сердце / сердце в тоске (туге, тяжести): «Сумна жь я хожу, хоть я и смеюся, / Велика туга, да не подаюся, / Велика туга до серденька мога, Що я не видаю свого миленького» (Головацкий 1: 224); «Но как выпивши <зелье, поднесенное девушкой> любезной тяжело очень вздохнул: / Посмотри-ко, любезная, что на сердце на моем / *На моем ли на сердечке точно сто пудов лежит.* / Ты умела же, злодейка, меня зельем опоить, / Так умей же ты, злодейка, со мной вечно-вечно жить» (Новичкова 2001: 174); «Ой не цвіти буйним цвітом, зелений катране, / Тяжко, важко на серденьку, як вечір настане... / Всі дівчата на улоньці, а меї немає...» (Пісні Поділля: 312, укр.); «Ох і закувала сива зозуленька в лузі, / Ох і заболіла моя голівонька ще й *серденько в тузі.* / — Ох і не вдавайся, моя дівчинонько, в тугу, / Ох і не сам же я, ох і не сам же я беру собі другу» (Там же: 293, укр.); «Ты скажи, скажи, дружочик, / Что есть на сердце на твоём? — / *На моем-то сердце / Точно камешек лежит...*» (Киреевский 1, № 274);

— змея у сердца: Изведенный чарами девушки парень жалуется: «То шось мені, братця, горілка не пьється, / *Та коло мого серця як гадина вьється*» (Чубинский 5: 420, укр.).

Некоторые глагольные конструкции (со словом *сердце*) делают акцент не на негативных эмоциях, а на собственно любовном чувстве, тем самым формируя словарь любовной лексики и фразеологии народной лирики, см.:

— *завязать сердце*: «Ой там в поле кирниченька, / Там водиця студененька, / Там девчина вода брала, / *Моє серце завязала*» (Головацкий 1: 260, укр.-карпат.)¹¹;

— *разжечь сердце*: «Размолодчики-все дружки мои, / Ваши ласковые приятные ко сердцу слова, / *Моє серце-сердечушко разожжет,* / И без ветрушка мои думушки-мысли разнесет» (Кофьрин 1899: 2);

— *причаровать сердце*: «Ў саду гуляла, цвяточкі рвала, / Хлопца дзяўчына прычаравала. / — *Прычаравала сэрца і душу,* / Цяпер да цябе хадзіці мушу» (Цэнтральная Беларусь: 630, бел.);

— *пристать к сердцу*: «У вдовици кругли лица, малёвани дверци, / Ой *пристане удовиця до твоего серця*» (Головацкий 1: 268, укр.-карпат.);

а само сердце может

11 К мотиву «завязывания сердца» как метафоре любовного чувства в качестве параллели можно указать на мотив «запирания сердца», который изредка встречается в любовных заговорах: «Пойду я, доброй молодец имярек, к красной девице имярек, выну из белаго тела ретивое сердце, запру ея сердце в 30 замков, в 30 ключей, в три ключа, отнесу те ключи в окянн море под тот алатырь камень...» (Отреченное чтение: 509).

— а также *прилегать* (*клониться, приставать*) к кому-нибудь: «Ой клауй, покляуй, моя голубка для мяне, / Прилягаиць мое сердынько до цабе» (Шейн 1874: 204, бел.); «Сяяла зірoнька, летіла, / — За кого ти, Ялинко, хотіла? / — За того, дівчата, за того, / Що пристало серденько до нього» (Пісні Поділля: 86, укр.); «Ветер веє, вода шумит, мороз истискає, / *Твоє серце мому серцю верне не сприяє*» (Головацкий 1: 269; укр. *сприяти* «быть расположенным к кому-то; благоприятствовать») и нек. др.

Таким образом, если кратко сопоставить то, каким предстает сердце в свадебных причитаниях и собственно лирических (обрядовых и необрядовых) песнях, то несложно заметить следующее. Чем прочнее связано фольклорное произведение с обрядом и отдельными его эпизодами, тем четче «прорисована» в нем сюжетная линия. В свадебных причитаниях и обрядовых песнях выделяется ограниченное количество мотивов и сюжетных ситуаций, в которых упоминается сердце, и все они, естественно, относятся к свадьбе и судьбе девушки-невесты: девушка жалуется на каменное сердце родителей; пытается смирить свое сердце перед родителями, чтобы они не выдавали ее замуж; стремится сохранить свою волю, для чего прижимает ее к сердцу; сердце девушки страшится встречи с женихом; девушки советуют «покорить» сердце перед будущими родственниками и т. д. В то же время в собственно лирическом дискурсе, не связанном с обрядом или связанным с ним косвенно, акцент переносится с ситуации на эмоции, которые передаются этими лирическими сюжетами. Поэтому именно в народной лирике обнаруживается самый широкий круг глаголов (как физического действия, так и психоэмоциональных), с помощью которых описывается «жизнь сердца» лирического персонажа и число которых значительно превосходит аналогичные списки из других жанров, в том числе из свадебных причитаний.

На фоне рассмотренного выше лирического дискурса становятся особенно заметны его отличия от дискурса эпического. В **былинах** «ретивое сердце» богатыря фигурирует в одном из трех возможных состояний/ситуаций.

Во-первых, оно разгорается от переполняющей его силы, гнева, желания победить и т. д.: «Оны говорят, что нет тут поединщика, / Все равны, а у *Михайлы разгорелось его сердце богатырьское...* / Выхватываў он тележку ворлыньскую, / Выхватываў осицо железное / И всех убиў этих сорок царей и царевичёв...» (Шахматов 1948: 70, Михайлов Пытык). Это суждение следует, в частности, из наблюдений М.А. Бобуновой и А.Т. Хроленко над словарем лексики былин, собранных А.Ф. Гильфердингом. В этом словаре глагол *разгореться* (о сердце) отмечается 72 раза, в то время как остальные глаголы фиксируются единично (Бо-

бунова, Хроленко 2006)¹². Помимо глагола *разгореться*, действительно наиболее высокочастотного в былинах, в них присутствуют также его синонимы — *раз(воз)ъяриться*: «Бить-то меня не за что, взять-то у меня нечего, / А возьмите мой чуден крест, / Несите вина на пятьсот рублей. / Тут они расселись, пить стали. / Он и пьян стал и заспал в кабаке. / Они стали его побуживать. / *Его богатырское сердце возъярилося*, / Могучи плечи расходились, / Схватил он чумаков-человальников, / Бросил во чисто поле» (Свод 1, № 48, Исцеление Ильи Муромца), а также *кипеть*: «*Как закипело у Добрынюшки сердце молодецкое*, / Тут соскакиват Добрыня да на резвы ноги, / Он хватает Алешеньку да за честны кудри, / Он бросает Алешеньку да о кирпичат пол» (Свод 1, № 36).

Выше, говоря о заговорах и причитаниях, мы обращали внимание на ассоциативные ряды, в которые попадает сердце в разных фольклорных жанрах. В лирическом дискурсе сердце, как нам представляется, не выказывает каких-либо очевидных ассоциативных предпочтений, в то время как в былинах они очень заметны. В сюжетных ситуациях, где упоминается о том, что богатырское сердце «разгорелось», оно попадает в ряд с такими элементами, как сила, плечи и ноги: «Разгорелось сердце молодецкое, / Расходилась у Добрыни сила богатырская...» (Свод 1, № 31, Добрыня и Настасья); «Ноги резвыи его да расходились, / Могучи его плечи расшевелились, / Руки белые его да розмахались... / Ретиво его сердце розъерилось...» (Свод 1, № 156, Чурила Пленкович и Катерина) и т. д. Можно с осторожностью допустить, что этот ассоциативный ряд указывает на то, что в былинах сердце представляется источником богатырской силы, а его «горячность» и «ярость» расцениваются не столько как эмоциональный посыл, сколько как источник этой силы.

Второй контекст, в котором сердце фигурирует в былинах, — это мотив укрощения богатырского сердца, которое позволяет богатырю обуздать горячность своего сердца (согласно наблюдениям Бобуновой и Хроленко, в сборнике былин Гильфердинга относящееся к богатырю выражение *укротить сердце* встречается 18 раз). Мотив укрощения сердца присутствует лишь в нескольких былинных сюжетах, в частности в былине о Василии Казимировиче и Добрыне: князь Владимир приказывает богатырям отвезти дань в Большую Орду, однако Василий,

12 Конечно, горение сердца встречается, как мы видели, и в других жанрах, прежде всего в любовных заговорах (о чем см. выше). Вместе с тем в лирическом и эпическом дискурсе о горении сердца говорится в основном применительно к герою — молодцу или богатырю — и крайне редко применительно к девушке, см.: «Что не мак цветет, не трава растет, / Не трава растет, не огонь горит, / Не огонь горит — ретиво сердце, / Ретиво сердце, младецкое» (Киреевский 1, № 313).

приехав туда, сообщает Батею Батеевичу, что ничего не привез. Состязание, переходящее в поединок, заканчивается победой Добрыни, после чего Батей просит богатырей укротить их сердца: «А говорил где-ка царь Батей Батеевиць: / — А уж вы ой еси, руськие богатыри / А те же удалы добры молоци! / А укротите свои да ретивы серьця, / А опустите-ко свои да руки белые — / А оставьте мне тотар хотя на семьяна!» (Свод 3, Добрыня Никитич и Василий Казимирович, № 21). В былинах на сюжет «Михайла Данилович», «Данило Игнатъевич и его сын» герой-малолетка отправляется в бой, заезжает в монастырь к отцу, отец дает совет быть осторожным и *не давать воли сердцу*; герой нарушает завет, попадает вместе с конем в плен, но продолжает биться (Петров 2008: 273–274). Напомним, что мотивы укрощения сердца мы уже рассматривали выше в связи с заговорами, обращенными к людям, облеченным властью.

Третий контекст, в котором сердце фигурирует в былинах, — это мотив вынимания сердца, имеющий межжанровый характер и являющийся частью более широкой темы **поражения сердца** как универсальной метафоры смерти.

Мотив вынимания сердца представлен в былинах, балладах, быличках и мифологических рассказах, лирических песнях, заговорах и ряде других жанров. Общий смысл этого мотива и множества его вариантов определяется тем, что сердце считаетсяместилищем души и средоточием жизненной энергии, а также универсальной синонимией слов *душа* и *сердце* (Толстая 2005: 54–55). В связи с этим похищение и поражение сердца, в том числе его изъятие, в большинстве случаев тождественны насильственной смерти и умерщвлению противника (Владимирцев 1984: 205).

В былинах, исторических балладах и песнях победитель стремится вынуть у своего поверженного, но всё еще живого противника его сердце: «Вынимал старой Илья Муромец булатен нож, / Он хочет пороть груди черные, / Мешать он собаке кровь со печенью / И вымать его ретиво сердце — / В заведи у старóго рука права остояласе» (Свод 1, № 74, Илья Муромец и Сокольник). В исторической думе «Морозенько» ляхи, схватив героя, сажают его на могиле и просто вырезают ему сердце: «Вони его а ни били, ни в чверти рубали, / Тилько з него молодого живцем сердце взяли» (Головацкий 1: 6, укр.-карпат.). В лирической балладе о девушке, бегущей из плена, ее преследователи мечтают вынуть ее сердце: «Как не белая лебедушка через степь летит, / Красная девушка с полону бежит... / Вот и гонят же за девушкой три погонюшки... / Не догнавши красну девицу, похваляются: / “Мы догоним красну девицу среди степи, / Мы вскроем же красной девице груди белые, / Мы вырежем у красной девицы сердце с печенью; / На ноже ее ретиво сердце

встрепенется!» (Соболевский 6, № 369). В балладе «Сестра брата потеряла» сестра убивает брата, разрезает ему грудь и вынимает сердце (Киреевский 1, № 261–263) и т. д.

Вырезание сердца у мертвого противника акцентирует и мотив поругания умершего: «За славною за Кубанью рекой... / В чистом поле тело молодецкое, оно завиднелось... / Что два ворона круг белого тела, они увивалися, — / Два черкеса над белым телом, они надругалися: / Вскрывали ему, да доброму молодцу, они грудь белую; / Вынимали они из доброго молодца что сердце со печенью» (Соболевский 6, № 310, терские казаки)¹³.

Впрочем, в ряде контекстов вынимание/вырезание сердца символизирует не столько победу над противником, сколько его временную слабость, поверженность, пленение, немощь и т. п. В религиозных колядках враги вынимают сердце у распятого Христа: «Шли жидове громадове, / Взяли Христа новородове, / Яны били и плевали, / *И на крыж распинали, / Копьем сердце доставали...*» (Шейн 1874: 391, № 723, бел.)¹⁴, ср. тот же мотив в белорусском варианте Сна Богородицы: «Відзела я сон дужа дзіўненькі, што цябе на красце распіналі, коп'ем сэрца прабівали, чорны веньчык надзявали» (Замовы, № 1238). В казацкой песне о состарившегося казака-орла черные вороны выклевывают сердце: «Летал-то, летал млад сизой орел по крутым горам. / Он, летаючи, состарился... / Прилетали ко сизу орлу три черных ворона... / Начали молодца три черных ворона клевать / *И ретивое его сердце вынимать*» (Соболевский 6, № 481). В русском предании к Степану Разину, колдуну и оборотню, заключенному в горе и обреченному на вечные муки, летает змей и сосет его сердце (Неклюдов 2016: 103). Тема мук, которым подвергаются грешники, развивается в русских духовных стихах о Страшном суде, где прелюбодеи и блудниц ожидает такое же испытание: «Прелюбодеям-блудницам, / Владенческим (т. е. младенческим) душегубницам, — / Змеи поядаючи, / Серцо высосаючи...» (Духовные стихи Рус. Севера: 570).

В сказках мотив вынимания сердца в целом означает то же — насильственное умерщвление персонажа, причем вынимание сердца в рамках одного сюжета может варьировать и чередоваться с другими

- 13 Возможно, как отмечает А.Л. Топорков, этот мотив имеет ритуальную основу: известны летописные свидетельства о том, что такие действия sporadически совершались с телом побежденного противника в Древней Руси (Топорков 2005: 141).
- 14 Хотя в легендах сердце Христа остается обычно неуязвимым: «Он весь был распяен, вот руки сян были гвоздем приколочены, а на сердце-то муха села, дак вот на сердце-то гвоздя-то и ни забили» (Каспина, Мороз 2002: 161).

способами убийства, например отрубанием головы (см. такие сюжеты, как СУС 403А «Подмененная жена», СУС 883 А=АА 883 «Оклеветанная девушка»). Вынимание сердца выступает также как способ добывания доказательств совершенного убийства. В олонечком варианте сказки «Оклеветанная девушка» купец велит сыну убить оклеветанную дядей дочь, а ее сердце привезти ему в качестве подтверждения совершенного наказания¹⁵; в других вариантах той же сказки сын подменяет сердце сестры сердцем собаки (Соколовы 2015, № 76).

Впрочем, умерщвление недруга, избавление от него может описываться **через другие действия с его сердцем**. В похоронном причитании, вместо того чтобы прямо назвать мужа убитым, вдова сообщает об этом метафорически, упоминая о его «раздробленном» сердце: «Нашли то его тело белое; / Присечена младая буйная голова, / Ужь моего то доброхота ды корминца, / *Раздроблёно то его сердце ретивое!*» (Истомин 1892: 145)¹⁶. В свадебном причитании невеста надеется избавиться от жениха с помощью родного брата, который прострелит его сердце: «И он (брат) изрубит у коня же буйну голову, / У остудничка проколет груди белые, / *И прострелит да ретливо его сердечушко...*» (Барсов 2: 369). В лирической песне полюбownik обещает тем же способом избавиться молодую женщину от постылого мужа: «Лыжить нылюбый на правуй руццы, да боюся розбудыты. / — Дывчынонько моя люба, одвырныся од нылюба, / *Буду стрьялыты, в сэрэ цыляты с-пуд зылёньного дуба*» (Климчук 1978: 201–202, бел.). В заговорах, проклятиях и оберегах поражение органов и частей тела (обидчика, врага, колдуна и т. д.), в том числе сердца, встречается довольно часто: «Злому, лихому — тени в глаза, а завидящему — *гвоздь в сердце*» (Попов 1903а, № 2)¹⁷; «Спаси, Господи, от еретника, от клеветница... Отколь пришло, туда и пошло, *ему нож в горло и в самое сердце...*» (Комаровских 1898: 144); «Кто может подумать лиха помысла, *тому в сердце — смоляна спица*, свеча — в глаз» (РЗЗ, № 1357). На недруга насылают также «горение сердца»: «Як гэта свечка ясно горыць, кап гэдак у моих (не)прияцелеў *под сэрэзм горэло*, як я, невинен, напасыць церпеў» (Шейн 1902/3: 295, бел.). А сжигая на своем поле завитку (скрученные ведьмой колосья, вид порчи), говорят: «И хто зделал завой эти, у *таго будет на серцы у самого гареть*» (НДП 1: 352), и т. д.

15 Ссылка на сказку, зап. в Пудожском р-не: http://ethnomap.karelia.ru/person.shtml?id=124&map_id=3648.

16 На этом примере особенно заметны отличия причеты от лирики, где *разбитое сердце* всегда будет символом несостоявшейся любви.

17 Напомним в этой связи о магической практике пронзать сердце «ходячего» покойника колом, дабы воспрепятствовать его хождениям.

Наконец, последний аспект темы поражения сердца — это немногочисленные сюжеты, в которых не человек воздействует на сердце противника или обидчика, а демон причиняет вред человеческому сердцу. В пинежской быличке говорится о том, как леший, призванный мужиком на помощь, прислал ему двух помощников, а поскольку он в тот момент спешил на свадьбу, они сообщили мужику, что помогут ему «за счет свадьбы». На свадьбе он увидел, как один из помощников, не видимый другими гостями, подошел к жениху и «резанул жениха по сердцу, вынул полсердца... И ушел. Потом прошла свадьба, совсем мало времени — жених умер» (Мифология Пинежья: 41). Нанесение сердцу урона встречается среди мотивов проклятий, которыми ведьма или колдун сопровождают свои злокозненные действия. Так, например, при изготовлении завитки ведьма приговаривала в том числе следующее: «Кручу на опоки, шоб не було ни хлеба, ни муки... *Як буде молотить, то буде серце колотить. Як буде молоть, то буде ў серце колоть*» (НДП 1: 366, бел.) и т. д.

В карпатоукраинском регионе, связанном с фольклорной традицией Южной Славии, где, в свою очередь, известен мотив поедания/выпивания сердца человека вештицей (ведьмой), можно обнаружить сходные мотивы, но не столько в мифологических рассказах (как у южных славян), сколько в заговорах и рукописных молитвах. Так, в угрорусском заговоре от сумасшествия (из рукописного сборника XVIII в.) говорится о том, как Богородица встречает на своем пути тридевять «впирюв» (упырей) и спрашивает у них, куда они идут, на что те отвечают: «Мы ишли до того имрек его сердце розкравати, и его кров выпити, *из его сердца выzsати*» (Петров 1906: 56).

В заключение небольшой экскурс о том, к кому и чему в фольклоре может относиться эпитет *сердечный*.

В похоронной, рекрутской и свадебной причети эпитет *сердечный* является высокочастотным и прилагается чаще всего к детям, а также другим близким родственникам. К примеру, в 1-м томе собрания Е.В. Барсова выражение *сердечное дитяtko* (*сердечное милое, малое дитяtko, сердечное роженое дитяtko, сердечное взрощенное дитяtko* и т. д.) фиксируется более 100 раз, т. е. *сердечный* выступает в качестве постоянного эпитета¹⁸. Кроме того, менее чем по десятку раз здесь встречаются такие выражения, как *сердечные родители, сердечна* как обозначение матери¹⁹, *сердечные племянники, сердечные сродники, сер-*

18 *Моё сердцецнойо дитяtko* — основное обращение к умершему ребенку не только в олонечких, но также и в вологодских причитаниях (см. об этом: Балуевская 2015: 257–260).

19 Ср. укр. *сердечна, сердечна мати* как обозначение матери (Лепкий 1884: 105).

дечные внушки, сердечный дядюшка, а также *сердечное желаньице* как метафорическое обозначение кровного родственника (обычно в первой степени родства). Аналогичную ситуацию можно наблюдать в других регионах с развитой плачевой традицией.

— Дети: «Не научил-то ты, ладушка, / Ты *сердешных-то детонёк*, / Ни к уму, ни ко разуму...» (Югай 2011: 96); «Голубила я, сиротинушка, / Тебя, *сердечная, милая дитятку*, / А теперя ты, моя доченьку, / Передаю в чужие рученьки» (ФНО: 121, плач матери на свадьбе); «А мне дужа скушненька биз тибе. / *Сярдечка маё карагодя, сынок мой миленький*» (СМЭС 2: 189, мать по сыну); «И ты с собой возьми, *сердечно мое дитятко*, / И возьми кротость ты с собой да со смиренницей!» (Барсов 2: 308, мать к дочери на свадьбе);

— родители, мать, отец: «Пробудись, моя кормилица, / Что родная *сердешная...* / Как во чистом полюшке / Стоит белая березонька — / У ней нет никаких отросточков, / А у *молодешеньки нет родной-то сердечной*» (Смирнов 1920: 115, дочь по матери); «Что я девка не безродная, / Голова да не сиротная: / У мяя есть, у красной девушки, / Есть *сердечные родители...*» (Б-р-ов 1867: 94, свадебное причитание);

— братья: «И мои милы соколочки златокрыльи, / И вы *сердечны светы-братыца родимьи*» (Барсов 2: 340, свадебное); «Братец — тоненька тониночка... / Братец — *сердца половиночка*» (Причитания: 383, свадебное причитание; о брате невесты);

— род-племя: «Везут нас во солдаты новобраннии. / Сиротать пойдут жаланныи родители, / Тосковать будё все *род-племе сердечьное!*» (Истомин 1892: 143, рекрутское причитание).

Отступление от правила именовать «сердечными» только родственников по крови осознается носителями традиции. В этом смысле показателен фрагмент свадебного причитания, в котором невеста благодарит свою крестную мать за то, что та, не являясь ей родной, тем не менее зовет ее «сердечным дитятком»: «И ты послушай, свет-крестова матушка: / И спасет Бог, да тепло-красно мое солнышко... / И *хоть ты у сердца меня да не носила / И от утробушки меня не спородила, / А меня дитятком сердечным называешь!*» (Барсов 2: 337–338).

Справедливости ради надо отметить, что в свадебных причитаниях узус эпитета *сердечный* несколько шире, чем в похоронных и рекрутских. Здесь могут появляться (единично) *милые сердечны разговорщици* (подружки невесты), *сердечны повознички* (участники свадебного обряда) и нек. др., где *сердечный*, скорее всего, означает ‘близкий’, ‘хороший’ и т. п. Тем не менее и здесь, в свадебном дискурсе, употребление эпитета *сердечный* (в его приложении к неодушевленным существительным) в большей или меньшей степени связано с кровным родством. Выяснилось, что в основном он прилагается к существительным, кото-

рые обозначают состояния, предметы и понятия, имеющие прямое отношение к кровным родственникам невесты, например:

— утешение, исходящее от родителей: «И все на вашем на родительском желаньице, / И на *сердечном на вашем утешеньице!*» (Барсов 2: 320);

— встреча с двоюродной сестрой: «И ты послушай, свет сестричка сдвуродимая: / И не гля хлеба я пришла да наеданьица — / А гля *сердечного любима повиданьица!*» (Барсов 2: 327);

— угощение, полученное от сестры: «И вособину поклон сестрице сдвуродимой / И за твое, свет, за великое желаньице, / И за *сердечное люблюмо угощеньице...*» (Барсов 2: 331);

— доля, удача, которую невеста просит у умершего отца: «Бог дает да дорога гостя... / Моего кормильца-батюшка — / Из-под матушки сыры земли, / С-под гробницы сыродубный, / Со честным благословленьицем, / Со *сердечным наделеньицем!*» (Барсов 2: 483);

— подарок от брата: «И ты за што же даришь, мой свет, да за что жалуешь / И ты *любимыма сердечныма подарочкам?*» (Барсов 2: 438);

— дом сестры, который перед свадьбой посещает невеста: «Путь-дороженька у нас да скороталася / *Сердечное гостибьице* показалося... / На крыльце стоит девица двуродимая... / Дождает меня белую лебедушку» (Олонецкая неделя 1913/18: 13) и т. д.

Таким образом, эпитет *сердечный* в причитаниях выступает как маркер кровного родства (хотя при этом он имеет и другие значения, такие как ‘искренний’, ‘родной’, ‘душевный’, ‘близкий’ и т. д., которые могут быть объединены одним общим значением ‘идущие от сердца/души’).

В свою очередь, связь эпитета *сердечный* с темой кровного родства заставляет вспомнить о том, что в языке и народных верованиях «ребенком от сердца» считают и называют настоящего, родного, кровного ребенка (в отличие от приемного), ср. сербские выражения *деца од срца* [ребенок от сердца]²⁰ и под., как и русские типа *носить ребенка под сердцем*, где сердце максимально сближается с женским лоном и позиционируется как находящееся в утробе²¹.

Эта особенность языка причети — черта довольно яркая и специфическая. Во всяком случае в других жанрах, главным образом лириче-

20 Об этом на материале соответствующей сербской терминологии и фразеологии имеется обстоятельная работа М. Белетич (Бјелетић 1999: 53 и др.).

21 Подтверждение этому находим в русской колыбельной песне: «Спитко ты, дитя мило, / *У сердечка близко было...* / От сердечушка отстало — / Нам порато жалко стало, / Баю-бай, сугревушку!» (Детский фольклор: 69).

ских, *сердечный* выступает как эпитет при назывании лица (*сердечный дружок*), а обращения типа *сердце*, *серденько*, *сердечко* — как метафорические замены мужа или возлюбленного²², см.: «Изсушил меня детина молодой, / Чернобровый, черноглазый, *сердце мой!*» (Соболевский 7, № 100); «Плакала Параскімка, вяночка ўючы. / Зачуў Якаўка, каня ведучы: / — Чаго, *сэрданька*, плачаш сільненка?» (Вяселле 1, № 292, бел. свадебная); «А вже тая слава по всім селі стала, / Що *дівчина козаченька серденьком назвала*» (Пісні Поділля: 286, укр. лирическая); «Чи скажеш, Марусю, на Павла: / *Моє сердечко?* / — *І казала, і казатиму, / Серденьатком називатиму*» (Вес.п., № 234, укр. свадебная). Все эти обращения обычно приложимы к партнеру, мужчине (мужу, жениху, другу, возлюбленному, очень редко — к брату), реже — к женщине, и их значение никак не связано с темой кровного родства. Если же такие выражения и встречаются изредка в причети (при обращении мужа и жены друг к другу): «Обзовися ж ты, мой *сирденько*, мой дружок!» (Шейн 1890/1/2: 651, бел.); «Коренной ты мой, *сердешный дружок!*» (Соболев 1912: 6, жена по мужу); «Стану я тебя, *сердешнова*, ждать да дожидатися» (Шейн 1900: 785, жена по мужу), то они воспринимаются скорее как цитаты из лирического дискурса.

* * *

Мы рассмотрели образ сердца в заговорах (лечебных, любовных и заговорах к властям), похоронных и свадебных причитаниях, обрядовой и необрядовой лирике, а также в былинах. Очевидно, что именно в первых двух жанрах — заговорах и причитаниях — образ сердца представлен наиболее частотно и многогранно. Это вполне понятно, поскольку никакие другие фольклорные жанры в такой степени, как заговоры и причитания, не сосредоточены на человеке — его здоровье, внутреннем эмоциональном мире, социальной жизни и т. д.

При исследовании образа сердца наше внимание обратили на себя прежде всего те его аспекты, которые актуальны не для одного, а для целого ряда жанров. Как уже упоминалось, сердце выступает в фольклоре как синоним души и средоточие чувств, переживаний и настроений человека. Это общефольклорная особенность концепта. Она выражается в том, что сердцу как субъекту приписывается множество предикатов, передающих психоэмоциональные состояния/действия, таких как *уныва-*

22 О подобных значениях свидетельствуют и словари. В частности, МАС и СУМ указывают, что рус. *сердце мое*, укр. *серце* употребляются в функции нежного, ласкового обращения к кому-л. (МАС 1998/4: 80; СУМ 1978/9: 148).

ет, ноет, нудит, тужит, болит, щемит, давит, страдает, свивается, погибается, падает, трескается, обмирает, горюет, печалится, зябнет, знобится, дрожит, горит, ярится, печет, млеет, сохнет, вянет, ярится, кипит, обижается, досадует, грустит, тоскует, беспокоится, пугается, рвется, режется, лопается, ржавеет, надрывается, поражается, изматывается, покоряется, смиряется, ужасается и др.; положительные же эмоции фактически исчерпываются тем, что сердце *радуется, веселится, млеет, цветет*. Кроме того, сердце оказывается также объектом действий, которому навязываются аналогичные психоэмоциональные состояния. Сердце *разжигают, вялят, сушат, жгут, замораживают, застужают, охлаждают, леденят, томят, точат, язвят, буяют, укрощают, унимают, замыкают, крушат, секут, режут, ранят, разбивают, вкладывают в сердце тоску (жалбу, кручину, сухоту, печаль, тяжесть, тоску и др.), заботят, гневят, удерживают, покоряют, заставляют замолчать, вынимают* и т. д., и лишь изредка *радуют и веселят*. Оказываясь внутри фольклорного дискурса, все эти глаголы (в своих прямых и метафорических значениях) выступают в качестве внутрифольклорных синонимов, которые выражают преимущественно крайнюю степень страдания/истощения эмоциональных сил человека, сему «страдания». Конечно, отдельные жанры отдают предпочтение разным глаголам, передаючи психоэмоциональные состояния сердца, но вообще словарь этих состояний представляет собой нечто цельное — скорее всего потому, что за ним просматривается языковая стихия, приписывающая сердцу (как и душе) весь этот спектр эмоций. В большинстве фольклорных жанров эти эмоции воспринимаются как нечто естественное для человека, а их оценка колеблется от нейтральной (в лирике) до слабонегативной (в любовных заговорах, где насыление страданий на возлюбленного трактуется как вид порчи). И лишь в духовных стихах эмоции, отражающие страдание индивида, аксиологически окрашены, ибо уныние греховно и непозволительно для христианина: «У ленивого... / На языке — гордость, / Во главе его уныние, / На сердце его печаль. / О горе такому ленивому! / У ленивого сатана гнездо в сердце свила» (Стих о лени; Стихи духовные: 184–185).

Помимо того что сердце является средоточием эмоционального мира человека и эта особенность пронизывает весь фольклорный дискурс, образ сердца в нем имеет и другие константы, среди которых заметное место занимает представление о сердце как важнейшем органе человеческого организма и, как следствие этого, о его уязвимости, когда поражение сердца становится универсальным символом смерти. На уровне сюжетики это выражается в ряде межжанровых мотивов, прежде всего в мотиве «вынимания сердца».

Мы стремились охарактеризовать мотивы, в которых фигурирует сердце в каждом из перечисленных выше жанров. При этом было понято

но, что многие фольклорные мотивы, относящиеся к сердцу, напрямую восходят к языковым оборотам — клише, фразеологизмам, словосочетаниям, устойчивым выражениям и т. д. Наличие множества таких клишированных оборотов с использованием лексемы «сердце» в восточнославянских языках и диалектах, фиксируемое словарями, явно повлияло на ту роль, которую играет образ сердца в фольклорном дискурсе, связанном с человеком.

Входя в фольклорное произведение, такие клишированные обороты попадают в определенную жанровую систему и начинают функционировать в качестве мотивов и в соответствии с ее задачами. Это особенно заметно, если сравнить функционирование одного и того же мотива в составе разных жанров. Так, например, «разгорание/разжигание сердца» (сердце горит/разгорается, его разжигают) в заговорах к властям соотносится с гневом судей и начальников и оценивается как нежелательное состояние, на предотвращение которого и направлен соответствующий заговор. В любовном заговоре «разгорание сердца» возлюбленного, напротив, является его целью, чему подчинены, в частности, сопутствующие чтению заговора магические процедуры. В лечебных заговорах мотив «разгорания сердца» более всего близок своему прямому, неметафорическому значению и связывается с физическим нездоровьем, горячкой и т. п., а потому пафос вербальной формулы как раз и состоит в том, чтобы болезнь не жгла и не сушила сердце. В похоронных причитаниях «разгорание сердца» входит в ряд мотивов, объединенных идеей пробудить умершего, заставить его остаться в этом мире. В народной лирике «разжигание сердца» является метафорой любовного чувства, входит в его «словарь». И, наконец, в былинах «разгорание сердца» предстает как естественное состояние богатыря, соотносится с понятием силы, отваги, гнева, с готовностью сражаться и т. п. Аналогичным образом различаются по своим контекстным значениям и жанровым функциям и другие устойчивые выражения с лексемой «сердце», такие как «укротить сердце», «прижать к сердцу» и т. д. Именно такие различия наиболее ярко выражают жанровые профили концепта «сердца».

Различия между рассмотренными жанрами затрагивают также ассоциативные ряды, в которые оказывается включено сердце. В лечебных заговорах сердце попадает в один ряд с другими частями и органами, которые потенциально может затронуть болезнь, и при этом заговор практически никак не выделяет сердце из ряда других органов, если не считать того, что соплагается сердце чаще именно с внутренними органами (кишками, печенью, желудком), что, как мы уже говорили, отвечает диалектному значению слова «сердце», понимаемого в том числе как часть «утробы». В любовных заговорах сердце выбирает в качестве партнеров либо душу и ум, либо тело и плоть, отдавая тем самым дань и

духовной и телесной составляющим любви. В заговорах к власти сердце соположено с органами чувств (глазами и ушами прежде всего), а также с органами, связанными с говорением, т. е. с теми, от которых зависит восприятие человека и вынесение суждений о нем. В былинах сердце соседствует с органами силы — плечами, ногами и руками, а также с силой как таковой. Иными словами, сердце может означать не только орган, но также некоторые состояния, такие как *гнев, ярость, сила, тоска* и др., а еще чаще соотноситься с ними: «Так уж я как *сдержу свое зяблое сердце ретивое, свою многу тоску да кручину великую?*» (Цейтлин 1912: 161); в олонечкой традиции *сердце* попадает в ассоциативный ряд с *желанием* (означающим любовь, ласку, заботу): «От желаньца мы Господу помолимся, / От сердечушка Николу принапросимся» (Барсов 1: 88).

В то же время отмеченные здесь жанровые приоритеты, связывающие сердце то с органами чувств, то с разумом или душой, не являются абсолютными и в некоторой степени присутствуют в разных жанрах, выявляя тем самым фундаментальные особенности общенародного концепта «сердце».

Мы упоминали о том, что как орган восприятия (слуха и говорения) сердце наиболее последовательно реализуется в заговорах к властям. Вместе с тем и в других жанрах (причитаниях, былинах, лирических песнях) эта черта также проявляет себя время от времени. Сердцу приписывается способность слышать и слушать: «*Во мне слышит ретиво сердце, / Из очей да слезы катятся, / Не приедет братец миленький...*» (Живая старина 1909/1: 77, причитание); чутать: «Среди пути-дороженьки братцы становилися... / Своими рученьками обнималися, во сахарные уста целовалися: / *Почуяло их ретиво сердце*, что они больше уже не свидятся» (Соболевский 6, № 229, лирическая); ведать: «Знать, что *ведало ретливое сердечушко*, / Што недалго буде ейного живленьца...» (Барсов 1: 107, причитание); прорицать: «*Взвещевало зло ретливое сердечушко*, / Насказало про великую невзгодушку» (Барсов 1: 125, причитание) и т. д.

В довольно редких случаях сердце предстает в фольклоре как носитель нравственно-этических категорий и понятий, причем как позитивных (честь, совесть, доброта, неспесивость): «Помоги, мать Пресвятая Богородица, / Возростить мне желанно мое дитяtko... / Ума-разуму набрался бы в головушку, / *Чести-совести в ретливое сердечушко!*» (Барсов 1: 151); «Поговорюшка была твоя ровнёшенька, / *И сердечушко ведь было не спесивое*, / И добрый молодец ты был да не гордливой!» (Барсов 2: 99, о рекруте), — так и негативных (злоба, лукавство, «кривда»): «И тому чоловіку, чи жіңці, котры бы хотілы злую мысль чиныты на мою пасіку, *нехай ёму замерзне серце лукавое*, и мысль, и язык» (Чубинский 1: 73, пчеловодческий заговор); «О горе умеющему грамоте! / Устами своими чтут (читают), / *А на сердце зло мыслят!*» (Слово о муках; Стихи

духовные: 219); «А *Кривда* пойдет она по всёй земли... / По тем крестьянам православным, / *Вселится на сердца на тайные*; / Кто делает дела тайные, / От того пойдет велико беззаконие...» (Голубиная книга; Стихи духовные: 37).

Еще в большей степени сказанное касается отношений между сердцем и головой, между чувствами и разумом. С.Е. Никитина (1999: 32) полагала, что в фольклорных текстах ум/голова и душа/сердце не противопоставлены друг другу, а действуют параллельно, во взаимном согласии. О.Н. Кондратьева (2007: 66) придерживалась близкой точки зрения и считала, что в древнерусских и фольклорных контекстах отсутствует противопоставление органов интеллектуальной и эмоциональной сфер.

Представление о том, что у человека ум должен быть «в ладах с сердцем», присутствует в тех жанрах, в которых сердце оказывается ассоциативной парой голове и уму-разуму²³, прежде всего в причети. Здесь сердце не противостоит голове, а, напротив, разделяет с ней интеллектуальную и психоэмоциональную деятельность: «*Много надо ума-разума тебе в головушке, / Много розмыслу в ретливом сердечушке*, / Как ведь дом вести, крестьянскую работушку...» (Барсов 1: 281); «*И ты послушай еще, бедная лебедушка, / И я придам да ума-разума в головушку, / И размышленьца в ретливое сердечушко*, / И как ведь жить да все на чужей на сторонушке...» (Барсов 2: 308), причем, как следует из этих примеров, причитание, кажется, фактически уравнивает между собой то, что находится в сердце человека (*розмысл, размышленьце*), с тем, что вкладывается ему в голову (*ум-разум*).

Еще один фольклорный контекст, в котором голова «соседствует» с сердцем и синхронизирует с ним свою «деятельность», — это мотивы покорения, склонения перед теми, от кого зависит судьба страдающего субъекта. Причтения настаивает на том, что такому человеку нужно склонить голову и сдержать свое сердце, научиться сносить все обиды: «*Поговорят, да люди добрые, / Да про нас да сиротинушек, / Уж как стали мы да вольные... / Буйной головы да нескончивы, / Ретивым сердцём несносливы*» (Соколовы 2015: 398, дочь по матери); «*Тяжеленько привыкать будет / К чужому отцу-матери; / Будь головушкой поклонлива, / Будь сердечушком покорлива, / Носи платье — не снашивай, / Терпи горюшко — не сказывай*» (Олонецкие губ. вед. 1896/36: 6, свадебная причеть); «*Как слухется сестрица богоданная / На меня, да на победную головушку... / Закреплю свое ретливое сердечушко, / Наклоню свою печальную головушку... / Я ответу им не отдаваю*» (Барсов 1: 187).

23 Напротив, народная лирика явно отдает предпочтение эмоциям, жизни сердца, не особенно стремясь координировать ум с эмоциями и голову с сердцем.

Известный параллелизм ума и сердца можно наблюдать и в заговорах. В любовных заговорах-отсушках разлучение возлюбленных связано с невозможностью соединить их мысли и сердца: «Как берег с берегом не сходятся, *так не сойдись сердца и мысли* раба Божия (его имя) с рабой Божьей (имя)» (Материалы экспедиции в д. Белый Ручей Вытегорского р-на Вологодской обл., 2007 г., Центр исторической антропологии им. Марка Блока, РГГУ). В заговорах, обращенных к властям, субъект стремится замкнуть своим судьям и противникам сердца, ум и язык: «*Заключи им, Господи, моем супротивникомь, ум и език и сердце...*» (Два заговора: 50), и т. д.

Таким образом, в целом сердце предстает в фольклоре средоточием психоэмоционального мира человека и органом восприятия, участвует в интеллектуальной деятельности. Оно испытывает эмоции, способно думать, помнить и выносить суждения и оценки, воспринимать и предчувствовать, быть носителем нравственных понятий. Сердце соотносится с головой и умом-разумом, с одной стороны, и с утробой, телом, плотью и другими частями тела — с другой. Оно проявляет себя как телесный орган и в то же время — как бестелесная, невидимая субстанция, во многом синонимичная душе, соединяя в себе тем самым духовное и плотское начала.

Литература и источники

Агапкина 2002 — *Агапкина Т.А.* Эпитет в белорусских лечебных заговорах: функции и семантика // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 301–337.

Балуевская 2015 — *Балуевская С.В.* Поэтические мотивы похоронных и поминальных причитаний Нюксенского района Вологодской области: к вопросу систематизации // Рябининские чтения — 2015. Петрозаводск, 2015.

Барсов 1–2 — *Барсов Е.В.* Причитания Северного края / Издание подгот. Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. М., 1997. Т. 1–2.

Бјелетић 1999 — *Бјелетић М.* Кост кости (делови тела као ознаке сродства) // Кодови словенских култура. Београд, 1999. Бр. 4. Делови тела. С. 48–67.

Бобунова, Хроленко 2006 — *Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Словарь языка русского фольклора: Лексика былины. Курск, 2006 (<http://www.ruthenia.ru/folklore/bobunovakhrolenko3.htm>). Дата обращения: 5.03.2018).

Б-р-ов 1867 — *Б-р-ов Е.* Пудожские свадебные причитанья // Олонецкие губ. вед. 1867. № 6. С. 94–96; № 7. С. 110–113.

Вес.п. — *Весільні пісні / Упор. М.М. Шубравська.* Київ, 1988.

Виноградов 1–2 — *Виноградов Н.Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы. Вып. 1–2 // Живая старина. 1908. Вып. 1–4. С. 2–99 (вып. 1); С. 4–94 (вып. 2).

Владимирцев 1984 — *Владимирцев В.П.* К типологии мотивов сердца в фольклоре и этнографии // *Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов.* Л., 1984. С. 204–211.

Вяселле 1 — Вяселле. *Песні / Склад.* Л.А. Малаш. Мінск, 1980. Кн. 1.

Головацкий 1 — *Головацкий Я.Ф.* Народные песни Галицкой и Угорской Руси. М., 1878. Ч. 1.

Голосіння — Голосіння / Упор. І. Коваль-Фучило. Київ, 2012.

Гринченко 1895, 1896 — *Гринченко Б.Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1895. Т. 1; 1896. Т. 2.

Гуляев 1848 — *Гуляев С.И.* Этнографические очерки Южной Сибири // *Биб-ка для чтения.* 1848. Т. 90, отд. III. С. 1–142.

Гуцульські говірки — Гуцульські говірки. *Короткий словник / Відповід.* ред. Я. Закревська. Львів, 1997.

Два заговора — Два заговора // *Саратовские губ. вед.* Ч. неоф. 1846. № 33. С. 239–241.

Детский фольклор — Детский поэтический фольклор. *Антология / Сост.* А.Н. Мартынова. СПб., 1997.

Добровольский 1–4 — *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891–1893. Ч. 1–4.

Домашний обиход — Домашний обиход. *Рукописный сборник XVII века // Пермский сб. М., 1860. Кн. 2. Прилож. V. С. XXXI–XXXVIII.*

Духовные стихи Рус. Севера — Духовные стихи Русского Севера / *Сост.* В.П. Кузнецова. Петрозаводск, 2015.

Едемский 1911 — *Едемский М.Б.* Свадьба в Кокшеньге Тотемского у. М., 1911.

Ефименко 1878 — *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской области. М., 1878. Ч. 2. С. 139–222.

Ефименкова 1980 — *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская прическа: Между-речье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область). М., 1980.

Замовы — *Замовы / Уклад., сістэмац. тэкстаў, камент.* Г.А. Барташэвіч. Мінск, 1992.

Зорі — Ви, зорі-зориці. *Українська народна магічна поезія (Замовляння) / Упор.* М.Г. Василенка, Т.М. Шевчук. Київ, 1991.

Иваницкий 1890 — *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // *Изв. Общества любителей естествознания, археологии и этнографии.* Т. 69. Труды этнографич. отдела. М., 1890. Т. 11. Вып. 1.

Истомин 1892 — *Истомин Ф.* О причитаниях и плачах, записанных в Олонецкой и Архангельской губерниях // *Живая старина.* 1892. Вып. 3, отд. 2. С. 139–145.

Каспина, Мороз 2002 — *Каспина М.М., Мороз А.Б.* Библия в устной традиции // *Актуальные проблемы полевой фольклористики.* М., 2002. С. 160–174.

Киреевский 1 — Собрание народных песен П.В. Киреевского. Зап. Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Т. 1 / Подгот. текстов А.Д. Соймонова. Л., 1977.

Климас 1999 — *Климас И.С.* Реализация концепта «сердце» в фольклорной и нефольклорной лирике // Лингвофольклористика: сб. научн. ст. Курск, 1999. Вып. 1. С. 21–27.

Климчук 1978 — *Климчук Ф.Д.* Песенная традиция западнopoлесского села Симоновичи // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978.

Комаровских 1898 — *Комаровских А.* Знахарство в Орловском уезде // Календарь и памятная книжка Вятской губ. на 1898 год. Вятка, 1898. С. 136–147.

Кондратьева 2007 — *Кондратьева О.Н.* Душа, ум, сердце // Антология концептов. М., 2007. С. 60–68.

Копаневич 1907 — *Копаневич И.К.* Народные песни, собранные и записанные во Псковской губернии. Псков, 1907.

Короленко 1892 — *Короленко П.* Черноморские заговоры // Сб. Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1892. Т. 4. С. 274–282.

Кофьрин 1899 — *Кофьрин Н.* Свадебные обряды и обычаи в с. Песчаном, Пудоожского уезда // Олонецкие губ. вед. 1899. № 86. С. 2.

Кофьрин 1900 — *Кофьрин Н.* Суеверия крестьян села Песчаного, Пудоожского у. // Олонецкие губ. вед. 1900. № 128. С. 2.

Лепкий 1884 — *Лепкий Д.* Про народни забобоны // Зоря. 1884. № 13. С. 105–115.

Лосев 1906 — *Лосев С.А.* Маленькая находка // Олонецкие губ. вед. 1906. № 93. С. 3–4.

М.Б. 1867 — *М. Б.* Сельские чары и заговоры по Подольской губернии // Подольские епарх. вед. Отд. неофиц. 1867. № 20. С. 689–695.

М.П. 1842 — *Погодин М.* Путевые записки. Вологда // Москвитянин. 1842. Ч. 4. № 8. Изящная словесность. С. 249–283.

Малиновский 1886 — *Малиновский А.* Причитанья или заплачки по умершим // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 2. Петрозаводск, 1886. С. 42–47.

Мансика 1912 — *Мансика В.* Заговоры Шенкурского уезда // Живая старина. 1912. Вып. 1. С. 125–136.

Марков 1906 — Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А.В. Марковым, А.Л. Масловым и Б.А. Богословским. Ч. 1. Зимний берег Белого моря // Труды Музыкально-этнографической комиссии. Т. 1. М., 1906.

МАС — Малый академический словарь / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.

Милорадович 1900/68 — *Милорадович В.П.* Народная медицина в Лубен. у. Полтав. губ. // Киевская старина. 1900. Т. 68.

Мифология Пинежья — Мифология Пинежья. Карпогоры, 1995.

НДП 1 — Народная демонология Полесья. Публикация текстов в записях 80–90-х годов XX века. Т. 1. Люди со сверхъестественными свойствами / Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М., 2010.

Неклюдов 2016 — *Неклюдов С.Ю.* Легенда о Разине: Персидская княжна и другие сюжеты. М., 2016.

Некрасов 1875 — *Некрасов А.П.* Свадебные причитанья (в Черной слободе Вытегорского уезда) // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 1. Петрозаводск, 1875–1876. С. 145–168.

Никитина 1999 — *Никитина С.Е.* Сердце и душа фольклорного человека // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 26–38.

Новичкова 2001 — *Новичкова Т.А.* Эпос и миф. СПб., 2001.

Олонецкие губ. вед. — Олонецкие губернские ведомости.

Отреченное чтение — Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / Отв. ред. А.А. Топорков, А.А. Турилов. М., 2002.

Пасенко 1912 — *Пасенко В.* Молитва от суда (материал для истории русских народных заговоров) // Филологические записки. 1912. Вып. 4. С. 589–590.

Певин 1894 — *Певин П.* Очерк Горского прихода, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1894. № 56.

Перегудов 1927 — *Перегудов А.* Гуслица // Новый мир. 1927. № 6. С. 194–201.

Петров 1906 — *Петров А.* Угрорусские заговоры и заклинания начала XVIII в. // Петров А. Статьи об Угорской Руси. СПб., 1906. С. 51–64 (Зап. Ист.-Филол. фак-та имп. С.-Петербург. ун-та; Прилож. к LXXXI части).

Петров 2008 — *Петров Н.В.* Богатыри на Русском Севере: Сюжеты и ареалы бытования. М., 2008.

Пісні Поділля — Пісні Поділля: Записи Насті Присяжнюк в селі Погребище. 1920–1970 рр. Київ, 1976.

Попов 1879 — [*Попов В.А.*] Заговоры, причитанья, песни, [половицы и поговорки, зап. в Сергинской волости Пермского уезда учителем Василием А. Поповым // Пермские губ. вед. 1879. Ч. неоф. № 36. С. 179.

Попов 1903 — *Попов Н.* Народные предания жителей Вологодской губернии Кадниковского уезда // Живая старина. 1903. Вып. 1/2. С. 188–224.

Попов 1903а — *Попов Г.И.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1903.

ППГ — Пахаванні. Памінкі. Галашэнні. Мінск, 1986.

Предрассудки и поверья — Предрассудки и поверья крестьян в Петровском уезде Саратовской губернии // Отечественные записки. 1848. Т. 56. С. 201–206.

Причитания — Причитания / Вступ. статья К.В. Чистова. А., 1960. (Библиотека поэта. Большая серия).

РЗЗ — Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / Под ред. В.П. Аникина. М., 1998.

РКЖБН 2006/2/1 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. Пошехонский уезд; Ч. 2. Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. СПб., 2006.

РКЖБН 2006/4 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». Т. 4. Нижегородская губ. СПб., 2006.

Розенберг 1901 — *Розенберг А.К.* Корреспонденция из Ст. Родниковская (Лабинск. отдела) // Кубанские обл. ведомости. 1901. № 31.

Романов 8 — *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вильна, 1912. Вып. 8. Рыбников 1864/3, 1867/4 — Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. СПб., 1861–1867. Ч. 1–4.

Рыбников 1910/3 — Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. 2-е изд. М., 1909–1910. Т. 1–3.

Сборник Каменева — Заговоры, наговоры, привороты и отвороты (из рукописного сборника знахаря Каменева в с. Фонины, Васильевского у. Нижегородской губ. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 104 (Фонд П.В. Шейна). Оп. 1. Ед. хр. 381. I.

Свенціцький 1912 — *Свенціцький І.* Похоронні голосія // Етнографічний збірник. Львів, 1912. Т. 31–32.

Свод 1–4 — Былины: В 25 т. СПб.; М. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. 2001; Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. 2001; Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. 2003; Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. 2004. (Свод рус. фольклора).

Серебренников 1918 — *Серебренников В.Н.* Народные заговоры, зап. в Оханском у. Пермской губ. // Кружок по изучению Северного края при Пермском ун-те. Пермь, 1918. С. 1–28.

Смилянская 2002 — Заговоры и гадания из судебно-следственных материалов XVIII века (Публикация Е.Б. Смилянской) // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 99–172.

Смирнов 1920 — *Смирнов В.* Народные похороны и причитания в Костромском крае // Второй этнографический сборник. Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 15. Кострома, 1920. С. 21–126.

СМЭС 2 — Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / Отв. ред. О.А. Пашина, М.А. Енговатова. М., 2003.

Соболев 1912 — *Соболев А.* Причитанья над умершими Владимирской губернии. М., 1912.

Соболев 1914 — *Соболев А.Н.* Обряд прощания с землей перед исповедью, заговоры и духовные стихи // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. 1914. Кн. 16. Сообщения. С. 1–40.

Соболевский 1–7 — *Соболевский А.И.* Великорусские народные песни. СПб., 1895–1902. Т. 1–7.

Соколовы 1915 — Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. СПб., 1915.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.

Срезневский 1–3 — *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–. Стихи духовные — Стихи духовные / Сост. Ф.М. Селиванова. М., 1991. Суеверие и предрассудки — Суеверие и предрассудки в простом народе // Олонецкие губ. вед. 1885. № 76. С. 673–674.

СУМ — Словник української мови. Київ, 1970–1980. Т. 1–11.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг и др. Л., 1979.

Толстая 2005 — *Толстая С.М.* Тело как обитель души: славянские народные представления // Тело в русской культуре / Сост. Г.И. Кабакова, Ф. Конт. М., 2005. С. 51–66.

Топорков 2005 — *Топорков А.А.* Символика тела в русских заговорах XVII–XVIII вв. // Тело в русской культуре / Сост. Г.И. Кабакова, Ф. Конт. М., 2005. С. 131–146.

Топорков 2010 — Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, статьи и коммент. А.А. Топоркова. М., 2010.

Филимонов 1893 — *Филимонов К.* Свадебные обычаи, причитания и песни в с. Коштугах, Вытегорского уезда // Олонецкие губ. вед. 1893. № 19. С. 6–7.

ФНО — Фольклор Новгородской области: История и современность. По материалам фольклорного архива Новгородского университета за 30 лет / Сост. О.С. Бердяева. М., 2005.

Франко 1898 — *Франко І.* Гуцульські примівки // Етнографічний збірник. Львів, 1898. Т. 5. С. 41–72.

Харитонов 1847 — *Харитонов А.* Из записок шенкурца (Нравы, обычаи, поверья, суеверья) // Отечественные записки. 1847. Т. 54. № 10. С. 148–156.

Цейтлин 1910 — *Цейтлин Г.* Свадьба в Поморье (Очерк из быта поморцев) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 20. С. 10–30.

Цейтлин 1912 — *Цейтлин Г.* Знахарства и поверья в Поморье. (Очерк из быта поморов) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 4. С. 156–165.

Цэнтральная Беларусь — Традиційная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 5. Цэнтральная Беларусь. У 2 кн. Кн. 1 / В.І. Басько [і інш.]; ідэя і агул. рэдагаванне Т.Б. Варфаламеевай. Мінск, 2010.

Цяпкова 2016 — *Цяпкова Т.* 3 архіўных сшытках. Замовы // Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні. Мінск, 2016. Вып. 3. С. 365–401.

Чубинский 1, 5 — Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной ИРГО: Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П.П. Чубинским. СПб., 1872. Т. 1, вып. 1; 1874. Т. 5.

Шайжин 1902 — *Шайжин Н.* Похоронные обычаи и приплачь в с. Нигиме // Олонецкие губ. вед. 1902. № 119. С. 2.

Шайжин 1909 — *Шайжин Н.* Слава Святителя и Чудотворца Николая в Олонецком крае. Святитель Николай Чудотворец в народной поэзии Олонецкого края // Олонецкие губ. вед. 1909. № 13. С. 289–292.

Шахматов 1948 — Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье / Подгот. текстов, статьи и примеч. А. Астаховой и С. Шахматовой-Коплан. Петрозаводск, 1948.

Шейн 1874 — *Шейн П.В.* Белорусские песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями. СПб., 1874.

Шейн 1890/1/2 — *Шейн П.В.* Материалы для характеристики быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1890. Т. 1, ч. 2; 1902, т. 3.

Шейн 1900 — *Шейн П.В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1900. Т. 1, вып. 2.

Шустиков 1892 — *Шустиков А.А.* Троичина Кадниковского уезда. Бытовой очерк // Живая старина. 1892. Вып. 3. С. 106–138.

Югай 2011 — «Не пристать, не приехать ни к которому бережку»: похоронные и поминальные причитания Вологодской области / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Е.Ф. Югай. Вологда, 2011.